

— АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

А.Д. ВИНОГРАДОВ

США И ФИЛИППИНЫ

**О ПЕРВОМ ОПЫТЕ
НЕКОЛОНИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ В АЗИИ
/1901-1946 /**

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

**Главная редакция восточной литературы
Москва 1987**

Ответственный редактор

Ю.О.ЛЕВТОНОВА

Рецензенты

О.Г.БАРЫШНИКОВА, В.С.РУДНЕВ

"Путем политического маневрирования, посулов и подкупов, военных угроз и шантажа, а нередко и прямого вмешательства во внутренние дела освободившихся стран капитализму во многом удалось спасти сложившиеся ранее отношения экономической зависимости, — говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии. — На этой базе империализм сумел создать и отладить самую изощренную систему неоколониалистской эксплуатации, теснее привязать к себе значительное число освободившихся государств" /15, с.16—17/.

Своеобразной "лабораторией", где не только модифицировались старые, но и разрабатывались с учетом местной специфики, а также реальностей XX в. новые методы колониального господства, характерные для политики неоколониализма, были в 1901—1946 гг. Филиппины (см. /54, с.166/). Захватив архипелаг у "классической" колониальной державы — Испании — в ходе первой в истории империалистической войны за передел мира, США, заботясь о создании и укреплении социальной опоры колониального режима, были вынуждены пойти на существенные уступки местной помещичье-буржуазной верхушке.

Ключевую роль в этом смысле сыграл процесс "филиппинизации", предполагавший участие имущих слоев Филиппин в создаваемой американцами системе политико-административного управления.

"Существование государственной власти, — подчеркивал К.Маркс, — находит свое выражение именно в ее чиновниках, армии, администрации, судьях" /2, с.287/. В свою очередь, В.И.Ленин отмечал: "...реальная работа управления лежит в руках гигантской армии чиновников. А эта армия насквозь пропитана антидемократическим духом, связана тысячами и миллионами нитей с помещиками и буржуазией, зависима от них на всяческие лады" /12, с.202—203/.

Ленинская характеристика, несомненно, отражает и ряд особенностей такого частного случая, как ситуация на Филиппинах при американском правлении, да и после его формального окончания, поскольку государственный механизм, как и в большинстве других освободившихся стран Азии и Африки, "вобрал

в себя многие элементы из аппарата колониальной администрации" /65, с.113/.

Разумеется, наследование молодыми государствами старого чиновничье-бюрократического аппарата — лишь один из многих аспектов их продолжающейся неоколониалистской зависимости. Но он в значительной мере предопределяет все остальные и уже поэтому заслуживает пристального внимания.

"Если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, — указывал В.И. Ленин, — то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего" /4, с.181/. Адекватное понимание реальностей современного зарубежного Востока не просто затруднено, а едва ли возможно без анализа конкретных исторических корней их административной системы.

Данная монография посвящена зарождению и становлению управленческих структур на Филиппинах в первой половине нашего столетия — процессу тем более интересному с точки зрения сегодняшнего дня, что американский империализм, как уже было сказано, провел там самый первый неоколониалистский "эксперимент", результаты которого имеют отнюдь не локальное значение. В советском востоковедении отсутствуют специальные работы по этой теме, хотя она затрагивалась попутно в исследованиях, посвященных истории Филиппин. Автор стремился показать социально-политическую тактику неоколониализма США в этой стране, постепенное изменение характера и форм взаимоотношений между филиппинской и американской частями администрации архипелага, истинную сущность "патриотизма" помещичье-буржуазных кругов Филиппин, откуда в основном вербовались кадры для административных органов, несостоятельность утверждений ряда американских буржуазных историков о наличии на Филиппинах в рассматриваемый период "местной правящей элиты", массовую антиколониальную борьбу как фактор, вынудивший США маневрировать, идти на уступки и в конечном счете предоставить стране политическую независимость.

Методологической основой работы послужили труды основоположников марксизма-ленинизма, давших глубокий историко-материалистический анализ возникновения, функционирования и эволюции чиновничье-бюрократического аппарата — важной составной части буржуазной государственной машины.

Чрезвычайно полезными для лучшего осмысления социально-экономических и политических процессов в многоукладных странах зарубежного Востока являются исследования К.Н. Брутенца /25; 26; 27/, Б.Г. Гафурова /34/, Анат. А. Громыко /35/, Г.Ф. Кима

/41/, А.И. Левковского /51/, В.Ф. Ли /56/, Е.М. Примакова /65/, Н.А. Симонии /69/, Е.В. Тарле /74/, С.Л. Тихвинского /75/, Р.А. Ульяновского /77/.

Автор стремился максимально полно использовать труды советских исследователей-востоковедов — О.Г. Барышниковой /20; 21; 22/, В.Ф. Васильева /29; 30; 31/, А.А. Губера /36/, И.Ф. Жулева /37/, Г.И. Левинсона /46; 47; 48; 49; 50/, Ю.О. Левтоновой /52; 53; 54/, И.В. Подберезского /61; 62/, В.С. Руднева /66/, Н.А. Савельева /67/ и др., посвященные анализу различных проблем социально-политической и экономической истории Филиппин и стран Юго-Восточной Азии в целом.

Многие аспекты неоколониалистской политики США, в том числе ее воздействие на административно-управленческий аппарат освободившихся стран, являются предметом обстоятельного исследования не только востоковедов, но и советских американистов /63; 71; 72/. Это обусловлено тем, что многие комплексные научные исследования по проблемам антиимпериалистического движения проводятся на "стыке" востоковедения и американистики. Отметим особо работу Р.Г. Богданова, по мнению которого именно "испано-американская война за передел мира и аннексия Филиппин (1899—1901 гг.)" положили начало широкому применению силы во внешней политике Соединенных Штатов и способствовали формированию того, что известно ныне как "американская военная машина" /24, с.7, 25/.

Среди произведений зарубежных исследователей-марксистов следует упомянуть прежде всего монографии В. Перло /60/, У. Помроя /64/ и У. Фостера /80/, раскрывающие подлинный характер империалистического курса правящих кругов США, в частности по отношению к Филиппинам.

Автор критически использовал данные о системе административного управления на Филиппинах в 1901—1946 гг., содержащиеся в буржуазной литературе и источниках США и Филиппин.

Филиппинские исследователи, занимающиеся историей своей страны в XX в., делятся на две школы — так называемую старую, которая отражает взгляды консервативных помещичье-буржуазных кругов и находится под влиянием американской историографии, и новую, представители которой стремятся пересмотреть традиционные проколониалистские концепции с демократических и националистических позиций. Глава новой школы Т. Агонсильо подчеркивает активную роль народных масс в борьбе против американского господства (см. /87/). Видный историк и публицист Р. Константино не раз отмечает, что прово-

дившаяся американскими властями политика частичных уступок имущим слоям архипелага в немалой степени содействовала их превращению в социально-политическую опору США (см. /92; 93/). К левонационалистическому крылу интеллигенции принадлежит и Э.Абайя, работы которого проникнуты духом антиамериканизма, характерного для этой части филиппинского общества (см. /16; 17/). Наиболее крупным представителем старой школы является Г.Сайде, старающийся "доказать", что "США преследовали самые благородные цели в отношении Филиппин" /131, с.54/.

Идейные позиции буржуазных востоковедов США отражают борьбу двух направлений — агрессивного-колонизаторского и умеренно-либерального — в американской внешней политике. Интересующие нас проблемы затрагиваются в книгах Р.Уэлча /130/, К.Ланде /109/, А.Марча /111/, Дж.Уолша /128/ и др. Наряду с откровенно апологетическими суждениями они приводят и важные фактические данные, зачастую критикуют политику США на Филиппинах, когда она кажется им недостаточно гибкой, но в целом весьма далеки от того, чтобы поставить под сомнение экспансионистский внешнеполитический курс Вашингтона.

Разнообразные сведения по теме работы дают официальные публикации американского конгресса — протоколы заседаний сената и палаты представителей, внешнеполитические послания президентов США, государственных секретарей, министров обороны, отчеты генерал-губернаторов на Филиппинах /119; 120/. Из этих документов видно, что, несмотря на определенные разногласия относительно методов господства на архипелаге, правящие круги США действовали единым фронтом, когда речь шла о стратегической цели — укреплении там американского присутствия.

Знакомство с мемуарами участников описываемых событий — генерал-губернаторов, сотрудников колониальной администрации (как американцев, так и филиппинцев) — позволило автору внести в эту работу некоторые малоизвестные исторические детали (см. /99; 104; 117; 129/).

В книге использован проблемно-хронологический принцип изложения материала. Временные рамки каждого из трех выделенных в отдельные главы периодов (1901 — 1913, 1913 — 1935, 1935 — 1946 гг.) определяются этапами развития политики США, направленной на формирование административного аппарата на Филиппинах, — политики, которая, как мы увидим, сочетала в себе элементы прямого господства и все более ярко проявлявшиеся с течением времени неоколониалистские черты.

СТАНОВЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ
АДМИНИСТРАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НА ФИЛИППИНАХ
(1901 — 1913)

На рубеже XIX и XX вв. международные отношения в азиатско-тихоокеанском регионе, как и во всем мире, определялись вступлением капитализма в его высшую и последнюю — империалистическую — стадию. Выделяя главные признаки этой стадии, В.И. Ленин писал: "...закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами", так что "далее предстоят лишь переделы, т.е. переход от одного „владельца“ к другому, а не от бесхозяйности к „хозяйину“" /8, с.386 — 387, 374/.

Именно тогда США открыто встали на путь территориальных захватов с целью перекройки мира на условиях "Пакс Американа". Хотя правящие круги Соединенных Штатов столь же велеречиво, сколь и расплывчато мотивировали свою агрессивную политику желанием стабилизировать ситуацию в азиатско-тихоокеанском регионе, все эти "объяснения" были, по сути, лишь довольно неуклюжими попытками закамуфлировать американскую экспансию. Как признал много десятилетий спустя известный обозреватель "Нью-Йорк таймс" С.Сульцбергер, речь шла о "притязаниях на право вмешательства" /135, 1980, № 3, с.17/. Той же цели служил и пропагандистский миф о так называемой "цивилизаторской деятельности" и "мессианстве" США, впервые активно использованный Вашингтоном во время испано-американской войны (1898 г.) и до наших дней остающийся в его идеологическом арсенале.

"Возможно, в самом начале своей жизни на американской земле, — подчеркивает А.Н.Яковлев, — идея мессианства и выступала лишь в качестве притягательной фразы, обладающей мистифицирующей силой самоутверждения. Однако шаг за шагом она трансформировалась в политическую концепцию, освящающую стремление к мировой гегемонии" /135, 1984, № 1, с.3/.

Еще в 1823 г. Соединенные Штаты первыми ввели в практический обиход понятие "сферы исключительных жизненных интересов", односторонне провозгла-

сив особую роль США в делах Латинской Америки /135, 1984, № 1, с.3, 17/. Под этим же лозунгом, но толкуемым уже расширительно, в 1898 г. они развязали первую в истории империалистическую войну за передел мира, в результате которой захватили бывшие испанские владения — Кубу, Пуэрто-Рико, Филиппины, о-в Гуам и ряд других тихоокеанских островов.

К моменту вторжения американцев Филиппины оказались в авангарде национально-освободительной борьбы, став родиной первой в Азии антиколониальной буржуазно-демократической революции /53, с.3/.

Получив в "наследство" от испанских колонизаторов не только природные богатства Филиппин, но и обстановку политического кризиса на архипелаге (см. /36/), новые "хозяева" быстро поняли, что управлять страной по "классическим" колониальным моделям (вся неэффективность которых для метрополии была продемонстрирована крахом многовековых усилий Испании) не удастся.

С первых шагов США создавали административно-управленческую систему Филиппин по аналогии с американскими институтами, не ограничиваясь, однако, прямым копированием ключевых компонентов собственного буржуазно-демократического аппарата, а всячески пытаясь "подогнать" к формируемому ими механизму колониального управления, использовать в своих целях также и традиционные структуры местного общества, имевшего в целом те же основные черты, что и общества других колониальных и зависимых стран Азии.

Плюрализм экономики выражался здесь в сосуществовании укладов, возникших на различных исторических этапах — от феодального строя до ранних ступеней капитализма. На вершине социальной пирамиды находились касики — крупные феодальные помещицы землевладельцы, одновременно являвшиеся, как правило, чиновниками испанских колониальных служб. Шел процесс формирования местной буржуазии, преимущественно компрадорского типа, начавшийся в середине XIX в. Значительную ее часть составляли метисы, в основном китайско-филиппинского происхождения. Средние слои включали мелкую буржуазию, интеллигенцию, офицерство (в испанской колониальной армии филиппинцы могли занимать низшие офицерские посты). Социальные низы состояли из непролетарских и полупролетарских масс города и деревни.

Создавать административно-управленческий аппарат Филиппин США начали не на пустом месте. Поэтому, прежде чем рассмотреть его генезис и эволю-

цию, необходимо хотя бы очень кратко сказать, что было сделано в этом направлении испанскими колонизаторами.

Еще при них сложилась система касикизма (сочетание крупной земельной собственности с государственной службой), которая получила в условиях американского правления дальнейшее развитие и (тут мы забегаем вперед) продемонстрировала свою живучесть в период оккупации архипелага японскими милитаристами, неизменно оставаясь орудием крайней реакции.

В свое время испанские завоеватели подавили не успевшую четко оформиться оппозицию общинной знати Филиппин. Представители немногочисленной местной верхушки, пытавшиеся оказать сопротивление, были физически истреблены в ходе захвата островов и в первые годы после него. Из тех, кто благодаря своей лояльности уцелел, в XVII в. был сформирован институт касиков (см. /53; 36; 50/). Вплоть до крушения испанского колониального режима их избирали старостами сельских административных округов, назначали на невысокие чиновничьи, полицейские и военные должности /36/. К рубежу XIX — XX вв. большинство филиппинских помещиков-касиков занимало посты в низовых эшелонах администрации, которая находилась, по определению советских филиппинологов, "в стадии деградации" (см. /73, с.16/), выродившись в клерикальную бюрократию. Монашеские ордена полностью контролировали налоговые органы, следили за правосудием, отвечали за набор в армию и за полицейскую службу, осуществляли и такие функции, как цензура, опека над школами и др. Руководствовались они исключительно католической религиозной доктриной и королевскими указами в собственной интерпретации. В "глубинке" власть испанской короны практически единолично представлял приходский священник (см. /73/).

Колониальная политика Испании, основанная на сохранении феодальных способов эксплуатации, на жестокой национальной и расовой дискриминации угнетенных народов, возрастающая роль монашеских орденов, стремление поработителей полностью изолировать Филиппины от внешнего мира — все это сводило на нет даже те принимавшиеся испанцами полумеры, которые, казалось, могли бы способствовать их достаточно прочному блокированию с имущими слоями Филиппин. "Испанский колониализм, — отмечает Ю.О.Левтонова, — сопротивлявшийся развитию исторически более прогрессивных общественных отношений, стремившийся к консервации феодального строя, оберегавший традиционные методы экономической, со-

диальной и расовой дискриминации местного населения, создавал почву для углубления противоречий между колониальным режимом и филиппинским обществом в целом, объективно способствовал росту оппозиционных настроений в самых различных классах и слоях" /53, с.8/.

Значительная часть филиппинского крестьянства, составлявшего в канун прихода американцев до 80% самостоятельного населения страны, еще воспринимала касиков как "покровителей", как "свою" традиционную элиту /53, с.12/. Ю.О.Левтонова подчеркивает: "Крестьяне охотно выступали в поддержку "своего" помещика, поскольку в их сознании он принадлежал к тому же барангаю, подвергался, как и крестьяне, колониальному гнету со стороны иностранцев" /53, с.14/.

Используя традиционные социальные связи в филиппинской деревне, устойчивое сохранение в Центральном Лусоне отношений типа "патрон-клиент", сложившихся со всеми присущими им особенностями еще в доколониальные времена (см. /73, с.10/), Соединенные Штаты рассчитывали контролировать все население архипелага через местные имущие слои, в частности путем более широкого, чем при испанцах, привлечения касиков в административный аппарат.

Касаясь данного аспекта колониальной политики Испании и США на Филиппинах, И.В.Подберезский отмечает, что "некоторые традиционные установления (например, патернализм) великолепнейшим образом служили поработителям" /62, с.11/.

Директива об организации в захваченной стране системы управления с участием представителей местных имущих слоев была подписана президентом США Мак-Кинли 7 апреля 1900 г., т.е. через год с небольшим после заключения Парижского мирного договора от 10 декабря 1898 г., "узаконившего" переход Филиппин от испанских колонизаторов к американским.

В немалой степени исходя из печального опыта "классического" колониализма, Соединенные Штаты с самого начала стремились заложить возможно более широкую социальную базу своего господства на Филиппинах, в том числе путем формирования проамерикански настроенной местной чиновничье-служилой прослойки. Эта политика неразрывно связана с именем Тафта, в значительной мере лично занимавшегося вопросами создания административно-управленческого аппарата на Филиппинах. В 1900 — 1901 гг. он возглавлял вторую Филиппинскую комиссию США, в 1901 — 1903 — был губернатором Филип-

пин, в 1904 — 1908 — министром обороны США, персонально отвечавшим перед президентом за положение дел в этой стране, в 1909 — 1913 гг. — президентом США.

Указанный период был отмечен деятельностью на архипелаге американских комиссий Шермана и Тафта (с 1899 по 1901 г.) и принятием конгрессом США в 1902 г. закона о временном управлении для Филиппин (Органический закон). Эти шаги, положившие начало так называемым особым отношениям между США и Филиппинами, оказали существеннейшее влияние на развитие филиппинского общества, у имущей верхушки которого уже тогда наметилась тенденция к сотрудничеству с новыми колонизаторами, что в немалой степени помогло последним при создании местного административно-управленческого аппарата.

Роль комиссий Шермана и Тафта
в создании социально-политической базы
американского господства

Филиппино-американская война 1899 — 1901 гг., в ходе которой США подавили вооруженное сопротивление народа островной страны, явилась логическим продолжением экспансионистской политики Соединенных Штатов, реализация которой была начата американо-испанской войной.

Президент Мак-Кинли, выражая волю наиболее агрессивных кругов США, в одном из обращений к военнослужащим заявил: "Филиппины принадлежат нам, как Луизиана, Техас или Аляска" /102, с.12/.

Даже представители современной американской буржуазной историографии признают, что Филиппины были своеобразным "полигоном", где отработывались методы "умиротворения", и в наши дни применяемые против национально-освободительных движений. Это хорошо видно на примере интервенции США во Вьетнаме в 1960 — 1970-е годы. Американский буржуазный востоковед Р.Уэлч, изучающий эволюцию политики США в Юго-Восточной Азии, прямо указывает: "В обеих войнах США пытались пленить и пускали в ход другие запрещенные средства, квалифицируемые международным правом как военные преступления; и в той и в другой войне США с помощью репрессий пытались изолировать партизан от гражданского населения и тем самым лишить силы сопротивления народной поддержки; военно-стратегические действия американского командования во Вьетнаме во многом напоминали таковые на Филиппинах" /130, с.XIV/.

Поначалу армия Филиппин не только сдержала натиск многократно превосходивших ее в живой силе и технике войск США, но и, перейдя в контрнаступление, нанесла им значительные потери. По данным иностранных дипломатов, аккредитованных в Маниле, лишь за первые полтора месяца боевых действий (4 февраля — середина марта 1899 г.) было убито или ранено столько же американских солдат и офицеров, сколько за все время войны с Испанией /54, с.160/.

Нараставшая борьба филиппинского народа за свою независимость вынудила правящие круги США менять тактику. Из официальных выступлений их государственных деятелей понемногу исчезли нарочито грубые формулировки, раскрывавшие колониалистские цели американской политики на архипелаге и оскорблявшие национальное достоинство филиппинцев. Так, президент Мак-Кинли стал твердить, что цель США на архипелаге состоит в "воспитании" местного населения и его "подготовке" к самоуправлению /99, с.203/.

Свой вклад в подавление национально-освободительного движения на Филиппинах внесли и комиссии Шермана и Тафта. Используя разногласия между руководителями филиппинской революции, они стремились расколоть вооруженное сопротивление, а затем, сделав кое-какие уступки местным помещичье-буржуазным слоям, опереться на них.

Рассмотрим социально-классовое "лицо" первого филиппинского правительства, с членами которого американским комиссиям предписывалось установить тесные контакты и завязать переговоры.

За исключением Аполинарио Мабини¹, выходца из небогатой крестьянской семьи, бывшего с июня 1898 г. по январь 1899 г. личным советником президента Агинальдо, а с января по май 1899 г. — премьер-министром и министром иностранных дел, члены кабинета являлись представителями имущих слоев. Так, министром обороны был Бальдомеро Агинальдо, один из крупнейших землевладельцев Филиппин, двоюродный брат президента страны, министром внутренних дел — Теодор Сандика, получивший образование в Англии и Бельгии, министром общественных работ — Грегорио Гонсага, богатый помещик, в период испанского колониального господства служивший в административно-управленческом аппарате провинции Висайя, и т.д. /111, с.82/.

Прибыв на архипелаг 4 марта 1899 г., первая Филиппинская комиссия, возглавлявшаяся профессором истории, президентом Корнельского университета, Джейкобом Шерманом, месяцем позже издала прокла-

мацию, в преамбуле которой говорилось, что эта комиссия "назначена президентом США с тем, чтобы лучше выполнить обязанности, возложенные на Америку и вытекающие из Парижского договора, заключенного с Испанией" /64, с.91; 126, с.66/. Далее следовал перечень туманных и расплывчатых "исходных принципов", обещавших филиппинцам "гражданские права", "свободу вероисповедания", "создание административного аппарата, к службе в котором туземцы будут широко привлечены в пределах практической целесообразности", а также "надежную" систему налогообложения, строительство общественно полезных сооружений, развитие экономики, расширение школьной сети и "реформы во всех сферах управления" /64, с.91; 109, с.66/. В прокламации содержались посулы ввести "просвещенное управление", при котором филиппинский народ якобы сможет пользоваться благами полной свободы... в пределах, "совместимых с теми обязательствами, которые взяли на себя Соединенные Штаты" /64, с.91; 109, с.66/.

Характерно заявление, в котором сам Шерман не слишком ловко попытался "обосновать право" США господствовать на архипелаге. "Возвращение островов под власть Испании, — говорил он, — было невозможным, так как мы уничтожили эту власть; передача островов под управление туземцев привела бы к царству анархии и беззакония. Оставался единственный выбор — взять опеку на себя" /64, с.85/.

Хотя комиссия имела статус совещательного органа, наделенного консультативными функциями при экспедиционном корпусе США и призванного способствовать предотвращению вооруженных столкновений, мирному разрешению конфликтов, на практике она реально содействовала наступательным операциям американской армии, жестоко подавлявшей вооруженное сопротивление филиппинцев.

Политика "кнута и пряника" достигала определенных успехов. Поддавшись демагогическим уверениям насчет "цивилизаторских" целей политики США, часть филиппинской буржуазии, помещиков, интеллигенции выступила за расширение контактов с американцами. Постепенно, пользуясь их широкой поддержкой, коллаборационисты стали захватывать ключевые позиции в правительстве республики.

Если до филиппино-американской войны, начавшейся 4 февраля 1899 г., и в первые ее недели большинство представителей правого крыла революционного движения всячески афишировали свой патриотизм (так, в выступлениях президента Агинальдо, председателя парламента Патерно и др. содержались

решительные призывы к борьбе с американскими колонизаторами "до победного конца" /126, с.1-2, 66-69/, то под влиянием работы комиссии Шермана разительно изменились и тон заявлений этих политиков, и практические их действия.

Тут уместно напомнить методологически важное соображение, высказанное В.И. Лениным в 1905 г.: "...бывают исторические ситуации, когда реформы, в особенности же обещания реформ, преследуют исключительно одну цель: приостановить брожение народа, заставить революционный класс прекратить или по крайней мере ослабить борьбу" /10, с.320/.

Если радикальные руководители филиппинского национально-освободительного движения, в первую очередь Аполinario Мабини и генерал Антонио Луна, требовали продолжения бескомпромиссной борьбы против захватчиков, за полную независимость страны, то умеренные во главе с Педро Патерно обнаруживали склонность к поискам "почетного соглашения" с Соединенными Штатами, выступали в поддержку переговоров с комиссией Шермана.

Непримиримая позиция, занятая Мабини в отношении американских предложений, все меньше устраивала умеренное крыло в правительстве и конгрессе Филиппин². Решительно критикуя демагогические посулы, содержащиеся в прокламации комиссии Шермана, Мабини в своей речи 15 апреля 1899 г. указывал: "Обещания американцев — это все равно, что обещания кандидатов от американских партий, участвующих в борьбе за президентскую власть. Они много гарантируют, а стоит им победить на выборах, как они ничего не делают для выполнения своих же обещаний. Мы будем продолжать решительную борьбу за полную независимость Филиппин" /126, с.68/.

Президент Агинальдо опасался открытого конфликта с одним из авторитетных лидеров революции, чтобы не повредить собственной популярности, но исподволь готовил смещение Мабини с его постов. "Удобный" предлог для этого был найден в мае 1899 г., когда из-за обструкционистской позиции, занятой на переговорах американцами, Мабини в одностороннем порядке прервал официальные контакты с ними.

Случилось это так. Филиппинская делегация попросила детализировать тот пункт прокламации Шермана, где говорилось о системе "просвещенного" правления и о "самоуправлении" для Филиппин. Ответ, пришедший от государственного секретаря США Хэя, гласил: "Правительство Филиппинских островов, подчиненное президенту США как главнокомандующему, будет состоять из назначенного президентом гене-

рал-губернатора, назначенного генерал-губернатором кабинета, избранного народом совещательного Генерального совета (при этом будет необходимо тщательно рассмотреть и определить требования, которым должен будет отвечать гражданин для получения избирательного права). Генерал-губернатор будет иметь право абсолютного вето. Создается сильная и независимая судебная власть, причем главные судьи назначаются президентом США. Члены кабинета и судьи будут подобраны из числа как туземцев, так и американцев с учетом их квалификации" /64, с.93; 129, с.12-13, 263/.

Подобная трактовка вопроса, практически означавшая наделение Соединенных Штатов всей полнотой суверенитета над архипелагом, встретила резко отрицательную реакцию со стороны филиппинской делегации. Переговоры были прерваны, чем и не преминули воспользоваться правые, проамерикански настроенные буржуазно-помещичьи круги Филиппин.

На заседании филиппинского конгресса заранее сколоченное из соглашателей большинство обвинило Мабини в срыве переговоров с американцами. Буэнкамино, один из представителей правого крыла, заявил: "Конгресс встал перед фактом абсолютно непримиримого отношения Мабини к американским предложениям. Мабини рассматривает войну с Соединенными Штатами как единственное средство достижения филиппинских идеалов независимости" /126, с.216/.

7 мая 1899 г. Агинальдо объявил об отставке Мабини и формировании нового кабинета во главе с Патерно. Министром иностранных дел стал Буэнкамино.

Чтобы соблюсти видимость демократии и не выглядеть в глазах народных масс ярыми сторонниками сближения с Соединенными Штатами, правые ввели в правительство в качестве заместителя военного министра радикального генерала Антонио Луна. Однако его открытое возмущение отставкой Мабини и резкая критика в адрес группировки Патерно (на одном из заседаний конгресса он назвал Буэнкамино "предателем, стремящимся продать страну американцам" /126, с.101/) заставили реакционеров поспешить с физическим устранением соратника бывшего премьер-министра. 5 июля 1899 г. Луна был злодейски убит их агентами.

В отчете, который комиссия Шермана направила президенту США по завершении своей работы, установление связей с частью имущих слоев Филиппин квалифицировалось как "крайне выгодный шаг для интересов американской политики на архипелаге"

/129, с.121/, а один из ее членов — генерал Отис — отмечал: "Комиссия успешно завоевала доверие состоятельных филиппинцев" /129, с.56/. В отчете рекомендовалось форсировать привлечение местных чиновников для работы в аппарате американской колониальной администрации.

После прекращения филиппино-американских переговоров экспедиционный корпус США перешел в генеральное наступление на о-ве Лусон и нанес тяжелые удары по революционным силам. Однако непрекращавшееся сопротивление партизанских отрядов³, многие из которых возглавлялись левыми представителями мелкой буржуазии, заставляло колонизаторов сочетать открытые карательные действия с разного рода уступками верхушке филиппинского общества.

Политика "кнута и пряника", проводимая американскими захватчиками на архипелаге, в значительной степени диктовалась также конъюнктурными соображениями, вытекавшими из внутриполитической обстановки в самих США. Мак-Кинли, добившийся своего переизбрания на пост президента от республиканской партии, не мог не считаться с ростом оппозиции колониальному курсу правительства со стороны довольно широких кругов американской общественности. "Филиппинский вопрос" занимал центральное место в массовой кампании, организованной Антиимпериалистической лигой США (подробно см. /64/).

Филиппинские революционные мелкобуржуазные круги еще связывали свои надежды с победой на президентских выборах в Соединенных Штатах кандидата от демократической партии Брайана, включившего в свою программу пункт о предоставлении независимости Филиппинам. Так, в обращении правительства к личному составу революционной армии от 5 октября 1899 г. говорилось: "Президентские выборы в США приведут к переизбранию либо к падению Мак-Кинли, что будет означать продолжение либо конец его политики" /126, с.722/.

После переизбрания Мак-Кинли на второй срок филиппинские либеральные буржуазно-помещичьи круги вслед за крайне правыми капитулянтами типа группировки Пардо де Таверы — Легарды стали переходить к открытому сотрудничеству с американцами. Но позиция, занимаемая широкой прослойкой мелкобуржуазных либералов (от выжидания до активного участия в вооруженном сопротивлении), существенно мешала Соединенным Штатам в окончательном "замирении" архипелага. Вся полнота власти на оккупированной территории принадлежала командованию американского экспедиционного корпуса. Граждан-

ская система колониального управления как совокупность организаций и учреждений, наделенных соответствующими полномочиями, отсутствовала. Надо было искать новые тактические ходы.

В июне 1900 г. в Манилу прибыла вторая Филиппинская комиссия США во главе с Уильямом Тафтом. Формулируя ее задачи, президент Мак-Кинли указывал на важность скорейшего начала формирования гражданской администрации на Филиппинах /99, с.98/. С этой целью, говорилось в директиве Мак-Кинли, "с 1 сентября 1900 г. комиссия Тафта наделается функциями высшей законодательной власти при сохранении верховной исполнительной власти в руках военного губернатора. Комиссии следует издавать законы, регулирующие налогообложение, бюджетные поступления и ассигнования, установить контроль за расходованием финансовых средств, начать организацию системы образования, а также постепенное формирование административного, судебного и военно-полицейского аппарата с участием национальных чиновничьих кадров" /99, с.98/. Комиссия должна была уделить особое внимание активному привлечению к сотрудничеству с американской гражданской администрацией тех мелкобуржуазных деятелей, которые, в отличие от крупных помещиков и буржуазии, не шли на открыто капитулянтские контакты с колонизаторами.

Вторая Филиппинская комиссия основала департаменты внутренних дел, торговли, правосудия и финансов, просвещения, возглавленные соответственно американцами Д.Уорчестером, Л.Райтом, Г.Вудом и Б.Мозесом — членами этой комиссии /99, с.208/. В структурном отношении эти департаменты во многом копировали американские политические институты, а подчинялись они непосредственно комиссии Тафта и в конечном счете — президенту США.

За время своей работы комиссия Тафта подготовила 263 постановления, одобренных конгрессом США и обретших силу закона для филиппинцев. Авторы этих постановлений старались в известной мере учесть национально-специфические особенности филиппинского общества и тем самым нажить "пропагандистский капитал" в глазах местного населения. В качестве "экспертов" они нередко привлекали таких представителей помещичье-буржуазных слоев, как Пардо де Тавера, Бенито Легардо, Хосе Лусуриага /99, с.208/. С самого начала филиппино-американской войны эти деятели отошли от освободительного движения, а затем, приняв предложение Тафта, были введены в состав второй Филиппинской комиссии на должности консультантов.

28 декабря 1900 г. комиссия, запретив под страхом репрессий образование антиколониалистских политических партий /99, с.31/, санкционировала создание и деятельность проамериканской Федеральной партии во главе с Пардо де Таверой и Легардой. Еще продолжалось вооруженное сопротивление филиппинского народа захватчикам, а представители местной помещичье-буржуазной верхушки, вошедшие в Федеральную партию, стали ратовать за "примирение" и прямое сотрудничество с колониальной администрацией. О политической платформе партии можно судить по провозглашенной ею конечной цели — превратить Филиппины в штат США /54, с.165/. Аполинарио Мабини, в это время арестованный американскими властями, охарактеризовал линию федералистов как "предательство национальных интересов и завоеваний революции" /53, с.192/.

Деятельность комиссии Тафта облегчалась расколом филиппинских революционных сил, отказом от вооруженной борьбы не только федералистов, но и группировки автономистов во главе с Педро Патерно. Автономисты требовали заключения мира, полной амнистии участникам войны, гарантии личных прав и свобод, установления режима автономии при сохранении политического господства Соединенных Штатов /53; с.191/.

Критикуя ренегатов, Мабини писал в статье "Программа Патерно": "Они „почетным соглашением" с империализмом пытаются заменить борьбу за суверенные права филиппинцев... Эта платформа не удовлетворяет основную массу филиппинского народа, стремящегося к настоящей свободе и подлинной независимости" /53, с.191/.

Между тем Тафт настойчиво стремился "приручить" и националистические мелкобуржуазные круги, чего, кстати, требовали от него директивы Вашингтона. 21 июня 1900 г. комиссия обнародовала закон об амнистии участникам вооруженной борьбы — закон, который Мабини определил как "похороны надежд и чаяний филиппинского народа" /53, с.191—192/.

В целях создания широких предпосылок для формирования гражданской администрации Тафт реорганизовал систему муниципального управления. Если при испанских колонизаторах филиппинцы, включая касиков, не допускались на руководящие посты в муниципальном аппарате, то теперь представители помещичье-буржуазных кругов могли служить даже губернаторами провинций, действуя, однако, под полным контролем американцев. Формально доступ в различные звенья системы муниципального управления открывался и для представителей мелкой бур-

жуазии, но они должны были предварительно доказать свою лояльность американскому колониальному режиму путем вступления в Федеральную партию /109, с.31/.

В отношении филиппинцев, продолжавших борьбу с захватчиками, применялись репрессивные меры. Активизировались боевые действия против партизан, в январе 1901 г. были высланы на о-в Гуам 57 революционеров, в том числе Аполинарио Мабини, которые отказались подписать присягу на верность Соединенным Штатам /53, с.191/.

По определению А.А.Губера, "мероприятия комиссии Тафта на Филиппинах приносили результаты, желательные оккупантам" /36, с.313/.

25 июня 1901 г. президент США назначил Тафта первым гражданским губернатором Филиппин.

Органический закон и процесс формирования управленческой системы колониальных Филиппин

Окончание филиппино-американской войны и завершение работы комиссий Шермана и Тафта, вопреки расчетам правящих кругов США, ещё не означали "замирения" архипелага. Вокруг вопроса о том, как действовать дальше, развернулись острые дебаты в сенатском комитете по делам Филиппин (см. /103/), среди членов администрации президента Т.Рузвельта — преемника Мак-Кинли, убитого 6 сентября 1901 г., и в конгрессе США, который принял в итоге закон о временном управлении для Филиппинских островов, или Органический закон, вступивший в силу 2 июля 1902 г. (см. /50; 64; 121; 102; 36/).

С этого момента само слово "колония" исчезает из американского официального лексикона. В политических документах Филиппины стали именоваться либо "зависимой территорией", либо "островным владением", так же как Гуам, Самоа, Мидуэй и другие острова Тихого океана. В последнем, 87-м, разделе Органического закона говорилось, что отдел министерства обороны США, непосредственно ведавший колониальными делами, "будет и впредь продолжать свою деятельность, но теперь будет именоваться Бюро по делам островов при военном министерстве. Функции этого бюро будут охватывать все вопросы, относящиеся к гражданскому управлению на островных владениях США" /64, с.151/.

Однако законодательно оформленный отказ от "стандартного" имперского термина и создание упомянутого Бюро вместо ранее предусматривавшегося министерства колоний не меняли колониальной сути

американского пребывания на Филиппинах, а лишь маскировали ее. На необходимость этого указывал еще Шерман в отчете о работе своей комиссии: "Ни одно другое слово во всем политическом словаре филиппинцев не имеет такого зловещего и пугающего смысла. Оно вызывает в их памяти зло, страдания и несчастья. Какая бы самая прекрасная и свободная система управления ни была изобретена для этих жителей древней испанской колонии на Востоке, она встретит решительное и всеобщее осуждение филиппинцев, стоит лишь назвать эту систему колониальной" /64, с.152/.

Ему вторил военный министр США Рут, согласно Органическому закону отвечавший перед президентом за деятельность административно-управленческого аппарата на архипелаге: "Я пришел к выводу, что мы должны извлечь уроки из опыта колониальной политики других стран, особенно Великобритании, и применить их в специфической ситуации, вытекающей из коренных принципов нашей государственной системы" /64, с.153/.

Бюро по делам островов, расположенное в Вашингтоне, резко усилило контроль за колониальной администрацией "на местах", в том числе и на Филиппинах, надеясь придать ей большую оперативность и гибкость по сравнению с прежней системой управления, существовавшей при испанцах.

Специальными статьями Органического закона намечалось создать на архипелаге (при условии его полного "умиротворения") выборную Ассамблею из коренных жителей, которая играла бы роль нижней законодательной палаты; верхней же должна была стать Филиппинская комиссия из пяти американцев и трех /99, с.217/, а с 1908 г. — четырех филиппинцев /54, с.167/. Для принятия любого законопроекта требовалось одобрение нижней палаты, но контроль над процессом его разработки и утверждения оставался исключительной прерогативой американских чиновников. Прошедший через Ассамблею закон мог быть пересмотрен либо аннулирован конгрессом США или даже американским генерал-губернатором и окончательно обретал силу только за подписью последнего.

В текст Органического закона был включен билль о правах, предоставлявший филиппинцам буржуазно-демократические свободы — слова, печати, собраний и т.д. И, хотя в условиях колониального режима все они оставались на бумаге, самим фактом их провозглашения США стремились показать мировой общественности, сколь "либерально" их правление на

Филиппинах, особенно по контрасту с испанским владычеством.

Рассмотрим подробнее практическую реализацию тех пунктов Органического закона, которые определяли порядок комплектования колониального административного аппарата и численное соотношение филиппинцев и американцев в различных его звеньях (табл. 1). Какие реальные процессы скрываются за этими цифрами?

Таблица 1

Соотношение численности филиппинцев и американцев в ключевых структурных звеньях аппарата "гражданской службы"*

Структурные звенья аппарата	Численность чиновников	
	американцев	филиппинцев
Филиппинская комиссия	5	3
Верховный суд Филиппин	4	3
Суды первой инстанции	16	7
Апелляционный суд обычного права	1	1
Суд земельной регистрации	1	1
Мировые суды	—	1708
Аппарат генерал-губернатора	1777	2697
Губернаторы провинций	8	32
Аппарат губернаторов провинций	86	238
Главы муниципалитетов	—	982
Муниципальные советники	—	8159
Казначей муниципалитетов	—	2906
Итого . . .	1898	16737
Учителя муниципальных школ	—	3500
Учителя английского языка	1000	—
Итого . . .	1000	3500
Муниципальная полиция	—	10000
Констабулярия	—	—
(военизированная полиция)	345	7000
Итого . . .	345	17000

* Составлено по /99, с.217/.

В составе Филиппинской комиссии, главного рабочего органа при генерал-губернаторе, а с 1907 г. — верхней законодательной палаты, мы видим прежде всего трех проамерикански настроенных касиков, которые были включены в нее еще в 1901 г.

В личном аппарате генерал-губернатора — американцы в меньшинстве, но именно они возглавляют важнейшие его подразделения, тогда как филиппинцам с 1901 по 1913 г. было доверено начальство — лишь над четырьмя второстепенными бюро — метеорологическим, архивным, патентным и бюро по авторским правам. Местные чиновники составили частично средний и целиком низший персонал центрального колониального аппарата в Маниле, через посредство которого генерал-губернатор контролировал всю систему управления Филиппин.

Согласно директиве президента США Филиппинская комиссия декларировала предоставление филиппинцам "полной" автономии в вопросах муниципального и "частичной" — в вопросах провинциального управления /99, с.118/. Что это означало на практике?

Аппарат муниципалитетов состоял из президента, вице-президента (филиппинцы) и членов муниципального совета, причем все они считались приступившими к исполнению своих обязанностей лишь после утверждения кандидатур генерал-губернатором.

Система проведения так называемых "народных" выборов в муниципалитеты была определена биллем № 82, принятым Филиппинской комиссией еще в 1901 г. К участию в них допускались только мужчины не моложе 23 лет, ранее служившие в испанской колониальной администрации, знающие английский или испанский язык /129, с.56/. В результате введения таких жестких цензов голосовать могли лишь 2% жителей архипелага — почти исключительно представители имущих слоев /99, с.36/.

Согласно Биллю о гражданской службе, разработанному американскими колонизаторами, филиппинцы, желавшие поступить в муниципальные или провинциальные органы колониального управления, должны были выдерживать экзамен перед специальной комиссией по делам гражданской службы. Комиссия, учитывая социальное происхождение, политическую ориентацию и образовательно-профессиональный уровень претендента, решала, в каком звене колониально-бюрократического аппарата он может работать: в муниципалитете, провинции или, что было очень редко, сразу в центральных учреждениях. Как правило, филиппинского чиновника переводили в Манилу после длительной службы в низших административных звеньях.

Согласно схеме административно-территориального деления Филиппин муниципалитеты объединялись в 40 провинций, из которых 32 управлялись губернаторами-филиппинцами, а восемь южных провинций, где сопротивление не ослабевало (значительную часть

их населения составляли мусульмане), — американцами⁴.

Структура провинциального управления выглядела следующим образом: губернатор (филиппинец), казначей (американец), инспектор провинции (американец), секретарь губернатора, прокурор провинции (филиппинцы, назначаемые Филиппинской комиссией США). С 1907 г. появились и казначеи-филиппинцы, но их было меньше, чем американцев на том же посту (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Динамика численности американских и филиппинских чиновников-казначеев в аппарате провинциального управления*

Год	Численность чиновников	
	филиппинцев	американцев
1907	1	31
1908	5	27
1909	6	26
1910	10	22
1911	11	21
1912	11	21
1913	13	19

* Составлено по /129, с.103/.

Американские чиновники, которых назначала на должность инспекторов и казначеев центральная администрация, теоретически подчинялись губернаторам провинций, а фактически контролировали их, будучи представителями созданного с этой целью так называемого исполнительного бюро, возглавлявшегося американцем.

С 1903 г. пост губернатора провинции формально стал выборным. Но если в муниципальных выборах могли участвовать, по существу, все касики, то в провинциальных — лишь члены муниципалитетов. Победитель считался избранным и приступившим к исполнению своих обязанностей только после утверждения его кандидатуры американским генерал-губернатором. "Полномочия" провинциальных органов управления сводились к сбору налогов, строительству дорог, мостов и контролю за деятельностью муниципалитетов.

Унаследованная от испанских колонизаторов судебная система включала в себя мировые суды, суды

первой инстанции и Верховный суд Филиппин. После прихода американцев в нее были введены еще так называемые суды земельной регистрации, упраздненные в 1914 г. с передачей их функций судам первой инстанции.

В развитых капиталистических странах на суд возлагается, кроме всего прочего, функция своеобразной корректировки политических решений, принимаемых различными государственными органами /40, с.279/. Разумеется, на Филиппинах при американском господстве об этом не было и речи. Поскольку судебное законодательство страны разрабатывалось в США, а местный департамент юстиции возглавлял американец, судебная система объективно не могла выступать и в качестве носителя национальных традиций. Она служила инструментом проведения политики США на архипелаге, обеспечивая ее легитимизацию.

Однако и в судебный аппарат привлекались филиппинцы, главным образом представители имущих слоев, ранее служившие в испанской колониальной администрации и впоследствии доказавшие свою лояльность Соединенным Штатам. Приведенные в табл. 1 показатели почти не претерпели изменений до 1913 г., только численность американских и филиппинских чиновников в судах первой инстанции постепенно эволюционировала в сторону уравнивания. Если в 1906 г. там было занято 16 американцев и семеро филиппинцев, то с 1907 г. разрыв сокращается (табл. 3).

Таблица 3

Динамика численности американских и филиппинских чиновников, занятых в судах первой инстанции

Год	Численность чиновников	
	филиппинцев	американцев
1907	10	13
1908	10	13
1909	9	14
1910	10	12
1911	11	12
1912	12	12
1913	12	12

* Составлено по /129, с.173/.

Сохраняя верховную судебную власть в своих руках, представители США ради поддержания иллюзии либеральности американского правления внешне полностью доверили филиппинцам работу в мировых судах. Призванные согласно обещаниям новоявленных "цивилизаторов" справедливо разбирать конфликты между крестьянами и касиками, на практике эти суды в подавляющем большинстве случаев разрешали тяжбы в пользу помещиков. Филиппинский историк Саламанка отмечает: "Машина местных мировых судов полностью контролировалась касиками" /121, с.75/.

Большое место в деятельности США на архипелаге занимало налаживание системы просвещения, которую они намеревались использовать в качестве важного рычага культурной "американизации" молодых филиппинцев — потенциального резерва для комплектования филиппинской части административного аппарата.

В отличие от испанских колонизаторов, которые не позволяли основной массе местных жителей получать образование и отдали школу под безраздельный контроль церкви, американцы одним из первых своих распоряжений прокламировали отделение церкви от государства и секуляризацию просвещения /121, с.73/. Религиозные дисциплины могли изучаться факультативно в приходских школах и частных учебных заведениях.

В период с 1901 по 1913 г. почти во всех баррио и муниципалитетах⁵ были открыты начальные, а в провинциальных центрах — средние школы. Преподавали в них американцы. Уже в августе 1901 г. из США прибыла первая группа из 600 учителей, а в последующие годы их число возросло в несколько раз. Занятия велись по американским учебникам.

Центральным событием в организации системы высшего образования стало основание в Маниле в 1908 г. государственного Университета Филиппин, а также коммерческого и мореходного училищ и сельскохозяйственного института. Создание столь широкой в сравнении с временами испанского владычества сети учебных заведений объяснялось политикой США, направленной на формирование новой, проамерикански настроенной филиппинской интеллигенции, на подготовку квалифицированных и лояльных кадров для "филиппинизации" административного аппарата страны.

С 1903 г. Белый дом назначает государственные стипендии молодым филиппинцам, отбывающим на учебу в США. В ноябре 1903 г. около 100 филиппинских юношей и девушек начали заниматься в американских колледжах и университетах. Подавляющее большинство этих студентов (как на самих Филиппинах, так и

в США) принадлежали к помещичье-буржуазной верхушке, т.е. к тем слоям, которые американцы стремились в первую очередь превратить в опору своего режима. Как правило, выпускники американских вузов, согласно директиве генерал-губернатора, имели преимущество при поступлении на службу в аппарат гражданской колониальной администрации Филиппин /99, с.219/.

Если испанские колонизаторы в один из годов накануне краха своего многовекового господства затратили на просвещение филиппинцев 404,7 тыс. песо (1894 г.), то США в 1905 г. израсходовали на те же цели 2438,2 тыс. песо /112, с.242/.

Коренным образом изменилась и языковая политика. Если прежние "хозяева" страны не допускали основную массу филиппинцев к изучению испанского языка, то американцы, напротив, старались как можно шире и быстрее распространить английский, усматривая в этом одно из действенных средств "американизации". С 1901 г. обучение на английском языке было введено во всех государственных учебных заведениях — от начальной до высшей школы. Он должен был заменить испанский в административной и деловой сферах. Уже в 1905 г. в одном из отчетов на имя президента США генерал-губернатор отмечал, что при сдаче экзамена на заполнение вакансий в административно-управленческом аппарате Филиппин большинство чиновников пользовались английским, а не испанским языком /112, с.248/.

Распространение английского языка вызывало двойственную реакцию филиппинцев: с одной стороны, благожелательность, поскольку оно перечеркивало дискриминационную политику испанских колонизаторов, с другой стороны, — настороженность, поскольку ассоциировалось, особенно у националистически настроенной интеллигенции, с опасностью нового порабощения.

Резко отрицательная развернутая оценка американской политики в области просвещения содержится в трудах Р.Константино — одного из популярных представителей националистического течения в современной исторической науке Филиппин. Исследуя механизм насаждения чужой культуры, Р.Константино отмечает: "Система образования, культурное господство незаметно обеспечивали своего рода контроль над мыслями... Американизация вторгалась в сознание филиппинца, приводила к его дефилиппинизации, к утере достигнутого в период революции" /62, с.28/.

Приведенные в табл. 1 данные о численном составе национальных полицейских формирований в

1901 — 1913 гг. вуалируют тот факт, что подразделения муниципальной и военизированной полиции (констабулярия) возглавлялись исключительно американскими военнослужащими. Согласно планам США эти подразделения должны были оказывать поддержку их оккупационному корпусу путем осуществления повседневной оперативной деятельности по охране порядка. На протяжении всего периода американского колониального господства они использовались также для подавления демократического движения, участвуя подчас в прямых карательных акциях, направленных против вооруженного народного сопротивления.

В наши дни, как и в начале века, буржуазная историография США пытается представить открытие 16 октября 1907 г. филиппинской Ассамблеи как "альтруистский" шаг американского правительства /125; 99; 118; 112/. Однако социальный состав, структура и функциональные особенности Ассамблеи указывают на то, что колонизаторы стремились превратить ее в опору своего господства на архипелаге, в удобный для них орган контроля над местным населением.

По определению Ю.О.Левтоновой, "открытие Ассамблеи свидетельствовало об отказе американцев от ориентации на наиболее консервативные, откровенно коллаборационистские элементы, о привлечении националистически настроенных буржуазно-помещичьих кругов, которые начинали играть все более активную роль в общественно-политической жизни страны" /54, с.168/.

Генерал-губернатор Тафт даже выдвинул лозунг: "Филиппины для филиппинцев", — стараясь привлечь население к более широкому сотрудничеству с властями. Ряд ведущих деятелей вашингтонской администрации, ярых сторонников колониальной политики США на архипелаге подвергли этот лозунг критике как "несвоевременный". Однако, выступая с речью в мантильском "Юнион ридинг колледж" и указывая, что опасения напрасны, Тафт заявил: "Указанная доктрина не предусматривает необходимым образом предоставление филиппинцам независимости или высокой степени автономии. Эта доктрина вполне совместима с принципом отказа от немедленного расширения народного самоуправления, ибо народ не подготовлен к слишком быстрому продвижению в этом направлении, и оно не может поэтому принести ему пользу" /64, с.168/.

Сформулированная таким образом мысль Тафта раскрывает реальный смысл "альтруизма" Соединенных Штатов на Филиппинах.

Вопреки ожиданиям правящих кругов США, меры, проводившиеся ими на базе Органического закона, не рассеивали атмосферу недоверия и враждебности со стороны широких масс филиппинцев. Антиамериканскими настроениями были охвачены не только низы, но и значительная часть буржуазии, помещиков, интеллигенции. Политическая практика Федеральной партии с ее откровенно коллаборационистской программой порождала на архипелаге такое недовольство, что перед созывом Ассамблеи власти санкционировали создание новых партий и союзов, которые вступили в предвыборную кампанию под национал-реформистскими лозунгами. В 1906 г. возникли партии индпендистов, урхентистов и юнионистов; в том же году две последние объединились в Союз националистов, который 12 марта 1907 г. в результате слияния с Партией индпендистов образовал вторую (после Федеральной) крупнейшую партию страны — Партию националистов.

По-прежнему ратуя за превращение Филиппин в американский штат, Федеральная партия заведомо обрекала себя на поражение. Поэтому ее лидеры с большим опозданием приняли ряд тактических мер, чтобы попытаться избежать такого исхода дела, в частности переименовали партию в Прогрессивную. Но это никого не ввело в заблуждение: по сути, она как была, так и осталась союзом крупных касиков и представителей буржуазии — сторонников тесного сотрудничества с США.

В силу упоминавшихся выше жестких избирательных цензов к участию в первых выборах в Ассамблею было допущено менее 3% взрослого населения Филиппин /54, с.168/. Победу одержала Партия националистов, которая сохраняла за собой подавляющее большинство депутатских мандатов до 1912 г. включительно (табл. 4). Ее лидер — Серхио Осменья — стал председателем Ассамблеи.

Осменья родился в богатой помещичьей семье. С 1900 г. завоевывает популярность как издатель газеты, выступавшей за независимость Филиппин, с 1906 г. он губернатор провинции, а с 1907 г. — председатель Ассамблеи. Осменья и его единомышленники из Партии националистов — Мануэль Кэсон, Альберто Баретто, Фелиппе Агонсильо и др. — охотно апеллировали к народным массам с национал-реформистскими лозунгами, рассчитывая использовать широкие антиамериканские настроения, чтобы заставить колониальную администрацию пойти на дальнейшие экономические и политические уступки местной элите. Однако, по замечанию Г.И.Левинсона, "бур-

Таблица 4

Число голосовавших за различные партии на выборах в филиппинскую Ассамблею 1907, 1909 и 1912 гг. и распределение депутатских мандатов*

Партия	Число голосовавших			Количество мандатов		
	1907 г.	1909 г.	1912 г.	1907 г.	1909 г.	1912 г.
Националисты	34 277	92 996	124 753	58	62	62
Прогрессисты	23 234	38 588	37 842	16	17	16
Мелкие союзы и организации	38 385	61 391	71 241	6	2	3
Итого . . .				80	81	81

* Составлено по /121, с.49/.

жуазно-помещичьи националисты старались не доводить дело до революционного выступления и ограничивали свою антиимпериалистическую деятельность пропагандой и оппозицией колониальным властям в рамках Ассамблеи, т.е. пошли на компромисс, предложенный им колониальными властями" /50, с.58/.

Как уже говорилось, согласно Органическому закону Ассамблея состояла из нижней палаты, где заседали только филиппинцы (среди участников ее первой сессии было 47 юристов, 10 помещиков, восемь промышленников, четыре врача, шесть учителей, два журналиста и т.д., но совершенно отсутствовали представители "низов" общества; см. /112/), и верхней палаты, коей являлась Филиппинская комиссия (пять американцев и четыре филиппинца). Хотя ни один законопроект не мог быть принят без одобрения нижней палаты, фактически ее роль сводилась на нет правом вето, которое принадлежало Филиппинской комиссии и генерал-губернатору. Так, с 1908 по 1911 г. ими были отвергнуты билли о введении тагальского языка вместо английского в системе начального и среднего образования, о праве филиппинского народа самому разработать свою конституцию, об исключительном праве Ассамблеи избирать генерал-губернатора и др.

"Новая" колониальная политика США, стремившихся с первых шагов создать, а затем по возможности расширить социально-политическую базу своего господства на Филиппинах, в том числе путем формирования проамериканского административно-управленческого аппарата, в период действия Органического закона принимает уже более "отшлифованный" вид.

ПОЛИТИКА "ФИЛИППИНИЗАЦИИ"
 АДМИНИСТРАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО АППАРАТА
 (1913—1935)

Закон Джонса
 (Второй органический закон)
 и процесс "филиппинизации"
 (1913—1921)

Вступивший на пост президента США в 1913 г. представитель демократической партии Вудро Вильсон, продолжая, в сущности, политику своих предшественников по отношению к Филиппинам, внес в нее некоторые коррективы.

До президентских выборов Вильсон, будучи профессором истории и президентом Принстонского университета, а затем губернатором штата Нью-Джерси (1910—1912), ратовал за усиление империалистического американского влияния на международной арене, поддерживал, в частности, агрессивные действия Белого дома, направленные на захват Филиппин, решительно выступал против предоставления им независимости. К 1910 г. он был автором десятка политологических и исторических исследований, в которых, отражая мнение деловых и финансовых кругов США, призывал к установлению американского господства над этим районом мира (подробно см. /39, с.47/). Но в ходе предвыборной кампании 1912 г. по конъюнктурным соображениям, ради того чтобы создать себе образ "миротворца" и снискать симпатии рядовых избирателей, он выдвинул в качестве составной части платформы демократов программу так называемой "новой свободы", внешнеполитические пункты которой не только осуждали линию республиканцев, но и предусматривали возможность предоставления независимости Филиппинам, а также статуса самоуправляемых американских территорий Аляске и Пуэрто-Рико /39, с.51/.

Это было не более чем демагогией. Первые четыре года президентства Вильсона ознаменовались дальнейшим ростом агрессивности американского империализма как в Западном, так и в Восточном полушарии. В 1915 г. американская морская пехота

высадилась в Гаити, в 1916-м с помощью ее штыков был утвержден угодный США военно-диктаторский режим в Доминиканской Республике, в том же году Союзные Штаты вынудили Данию продать им за 25 млн. долл. Виргинские острова и т.д. "Идеализированная демократическая республика Вильсона, — подчеркивал В.И. Ленин, — оказалась на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов" /13, с.192—193/.

Данное определение вполне применимо и к политике США в отношении Филиппин.

В своем первом программном послании конгрессу Вильсон высказался за форсирование "филиппинизации" административных органов на архипелаге, но, вопреки своим предвыборным обещаниям, не с целью скорейшего предоставления независимости стране, а для "серьезной подготовки" ее жителей к самоуправлению /123, с.118/.

Для уточнения методов колониальной политики на Филиппинах президент послал в Манилу группу экспертов во главе с ответственным сотрудником аппарата Белого дома Г.Фордом /97, с.65—69; 123, с.179/. В докладе, который он по возвращении представил Вильсону, не исключалась возможность осложнений в отношениях с Филиппинами, если Соединенные Штаты не примут меры для определенной "либерализации" своего присутствия на архипелаге.

Напомним в связи с этим, что ни созыв Ассамблеи, ни другие акции колониальных властей не смогли сломить национальное сопротивление, особенно в неимущих слоях местного общества. Характеризуя социально-политическую ситуацию на Филиппинах в канун 1913 г., американский генерал-губернатор отмечал: "Если бы не консервативные и ответственные политики, вроде достопочтенного Серхио Осменьи, наши дела шли бы все хуже и хуже" /104, с.48/.

Форд предложил ликвидировать Филиппинскую комиссию и позволить филиппинцам участвовать в разработке проекта их конституции, которая вошла бы в силу после ее одобрения президентом США. Автор доклада не рекомендовал, однако, устанавливать, "тем более в ближайшем будущем" точную дату провозглашения независимости Филиппин /97, с.69—72; 123, с.198—199/.

По заданию Вильсона, кроме вышеназванной группы, выработкой рекомендаций относительно американского политического курса на Филиппинах занималась специальная комиссия во главе с министром обороны США. Вот какие советы она дала президенту:

во-первых, назначить нового генерал-губернатора; во-вторых, уполномочить его шире привлекать филиппинцев к работе в административно-управленческом аппарате; в-третьих, увеличить контингент филиппинских чиновников так, чтобы их в колониальной администрации было больше, чем американцев, сохранив рычаги контроля в руках последних; в-четвертых, не фиксировать сроки предоставления стране независимости /123, с.199/.

Действуя на основе этих выводов и рекомендаций, очередной генерал-губернатор Филиппин Фрэнсис Гаррисон (1913—1921), в прошлом член американского конгресса, по прибытии в Манилу провозгласил так называемую "новую эру" в колониальной политике Соединенных Штатов. При утверждении кандидатуры Гаррисона учитывались его личные связи со многими видными филиппинскими политиками — Серхио Осменей, Мануэлем Кэсоном и др. /123, с.199/. Повидимому, не в последнюю очередь именно этот фактор обусловил положительную реакцию руководимой ими Ассамблеи на первые шаги генерал-губернатора. Ассамблея приняла резолюцию, где, в частности, выражалась надежда, что "колониальная эксплуатация архипелага принадлежит прошлому", а деятельность Гаррисона "будет способствовать лучшему взаимопониманию между американскими и филиппинскими чиновниками, взаимопониманию, которого было трудно достичь за предыдущие тринадцать лет" /104, с.73/.

В одном из своих докладов комиссии по Филиппинам, созданной при конгрессе США, Гаррисон писал: "Где только возможно, я буду назначать филиппинцев на ответственные посты, разумеется, с учетом их квалификации, лояльного отношения к США и под нашим полным контролем" /104, с.146/.

Для начала был изменен состав Филиппинской комиссии. После консультаций со спикером Ассамблеи Осменей, резидентом-комиссаром Филиппин в США Кэсоном, председателем Верховного суда Филиппин Арелано и командующим констабулярией Харбардом Гаррисон предложил конгрессу США одобрить кандидатуры пяти филиппинцев, которых он намеревался ввести в Филиппинскую комиссию. В списке фигурировали Викторио Мапа, член Верховного суда (генерал-губернатор прочил его на должность своего эксперта по вопросам правосудия и финансов); Рафаэль Пальма, один из руководителей Партии националистов, состоятельный адвокат; Хосе де Вейра, губернатор провинции Лейте; Висенте Энкарнасьон, один из лидеров Партии прогрессистов, землевладе-

лец (как и де Вейра, близкий друг Кэсона и Осменьи); Висенте Илостре, юрист, землевладелец.

После длительного изучения социального и имущественного положения перечисленных лиц, а также тщательной проверки их лояльности американской колониальной администрацией сенат США 27 октября 1913 г. утвердил эти кандидатуры. В конце декабря 1913 г. в Манилу прибыли остальные три члена комиссии — американцы. Она включала отныне в общей сложности восемь человек /123, с.64/. Одновременно гораздо энергичнее, чем прежде, проводилась "филиппинизация" муниципальных органов управления, где представители имущих слоев могли занимать посты председателей, советников, а также казначеев.

За первый год "филиппинизации" общее число американских чиновников на архипелаге было сокращено с 2623 до 2148, тогда как число филиппинцев, занятых в низших и средних звеньях административного аппарата, увеличилось с 6363 до 7283. Количество находящихся в Маниле центральных департаментов, возглавляемых филиппинцами, возросло с четырех до восьми (из 30) /104, с.80—86; 91, с.228—231/. На посты главного инспектора провинциальных и муниципальных органов управления и главы комиссии по сбору налогов вместо американцев были назначены филиппинцы.

Правда, местные политические деятели не раз сетовали, что американские руководители, слишком жестко контролируя филиппинских чиновников как в центре, так и на периферии, намеренно лишают их возможности доказать способность страны к самоуправлению. В письме на имя государственного секретаря США Серхио Осменья указывал, что такой контроль лишь способствует "потере инициативы у национальных чиновничьих кадров и культивирует дух беспрекословного исполнения рекомендаций, исходящих от американских чиновников" /91, с.167/.

Политика "филиппинизации" затронула и начальствующий состав констабулярии. Если до 1913 г. все командные посты в подразделениях военизированной полиции были заняты американскими офицерами, то теперь на них стали активно назначать и филиппинцев, подготовленных инструкторами из США. Это объяснялось, кроме всего прочего, острой необходимостью в людях, знающих местные языки и хорошо приспособленных к природным условиям архипелага /50, с.58/.

Кульминационным моментом "филиппинизации" явилось принятие в 1916 г. конгрессом США — как под давлением филиппинских националистов, так и под

нажимом кампании, проводившейся в Соединенных Штатах Антиимпериалистической лигой, закона о большем самоуправлении для Филиппинских островов (закон Джонса, или Второй органический закон). В его текст впервые было включено обещание предоставить независимость Филиппинам после того, как там пойдут условия для организации "устойчивого правительства" /50, с.59; 54, с.169/. Не связывая США конкретными сроками, это обещание оставляло американской администрации широкое поле для маневрирования. Даже Осменья, добрый приятель генерал-губернатора Гаррисона, заметил, что такая формулировка "будет лишь тормозить процесс скорейшей ликвидации господства США на архипелаге" /115, с.13 - 14/.

Система политико-административного управления, созданная на основе закона Джонса, просуществовала без изменений до 1934 г. Ее ключевые компоненты были построены по американскому образцу. Так, вместо Филиппинской комиссии и Ассамблеи появилось двухпалатное Законодательное собрание (легислатура), в структурном и функциональном отношении сходное с конгрессом США. Оно состояло из сената и палаты представителей (соответственно 24 и 90 филиппинцев). Строгие цензы ограничили круг участников выборов в него — лишь 4% взрослого населения архипелага. В районах с "нехристианским" населением депутаты не выбирались, а назначались лично генерал-губернатором.

Хотя согласно закону Джонса законодательная деятельность формально передавалась в руки филиппинцев, фактически, как и прежде, ее полностью контролировали колонизаторы. Верховная исполнительная власть, в том числе право наложить вето на любое решение легислатуры, сохранялась за генерал-губернатором.

Выступая перед филиппинскими политическими лидерами по случаю принятия конгрессом США закона Джонса, Гаррисон, в частности, сказал: "Двухпалатная легислатура даст возможность филиппинцам продемонстрировать их способность управлять страной. Американская администрация будет осуществлять политику полной „филиппинизации“, назначая местных чиновников на ответственные посты" /104, с.251/.

На состоявшихся в 1916 г. выборах в Законодательное собрание кандидаты от Партии националистов получили 22 места в сенате и 75 мест в палате представителей, а на выборах 1919 г. — 21 место в сенате и 83 места в палате представителей /91, с.255/. Спикером палаты представителей стал Осменья, в прошлом глава Ассамблеи, а председате-

лем сената — Кэсон. Оба они, будучи тесно связанными с США, в свою очередь, обладали немалым влиянием на филиппинскую часть колониально-управленческого аппарата /91, с.125/.

Дальнейшим продолжением политики "филиппинизации" явилось создание генерал-губернатором Гаррисоном в январе 1917 г. кабинета в составе шести секретарей. Секретарями по вопросам торговли и транспорта, юстиции, внутренних дел, финансов, сельского хозяйства были назначены филиппинцы. Пост секретаря по вопросам просвещения занял американец.

Гаррисон сформировал также совещательный орган при генерал-губернаторе — Государственный совет, в который входили сам генерал-губернатор, спикер палаты представителей, председатель сената и члены кабинета. "Цель Государственного совета, — отмечал Осменья, — выработать согласованные (между филиппинскими и американскими чиновниками) рекомендации для генерал-губернатора Филиппин по различным вопросам политики американской администрации на архипелаге" /123, с.253/. По своей структуре и функциям этот орган, в значительной мере копировавший прежнюю Филиппинскую комиссию, был своеобразным центром, который объединял руководителей только высших звеньев администрации — как американцев, так и филиппинцев. На первом заседании совета Кэсон предложил, чтобы в порядке "подготовки страны к независимости" спикер палаты представителей Осменья выполнял функции вице-президента Филиппин, а генерал-губернатор — функции президента /104, с.210/.

Растущая дифференциация и специализация административной системы (в частности, образование ряда новых департаментов — лесоводства, береговой и геофизической службы и т.д.) и связанное с этим увеличение численности управленческого персонала создали условия для проникновения в бюрократическую среду буржуазных элементов и выходцев из средних слоев.

Рассмотрим, как на основе закона Джонса политика "филиппинизации" осуществлялась в низшем и среднем звеньях административного аппарата (т.е. на уровне "муниципалитет — провинция"), особенно в тех случаях, когда долгое время сказывались на социально-политическом развитии Филиппин и после обретения ими независимости в 1946 г.

Еще в январе 1901 г. Тафт заявил, что "надо начать с создания, и притом по американскому образцу, муниципальных органов управления, так как именно оно является ключом к успешному политиче-

скому просвещению жителей архипелага" /112, с.41/. Ранее, в июле 1899 г., командование оккупационных войск США разработало проект системы муниципального управления на Филиппинах. Затем последовала серия дополнительных документов — план № 40 (январь 1900 г.), план № 43 (март 1900 г.) и "муниципальный кодекс" (январь 1901 г.), причем все они были аккумулярованы в законе Джонса.

Согласно закону муниципальный совет состоял из председателя и представителей от каждого баррио. В их выборах могли участвовать только "лица мужского пола, достигшие 23 лет, имеющие состояние не менее 500 песо, а также владеющие испанским или английским языком" /112, с.46/. Прошедшие кандидатуры окончательно утверждались генерал-губернатором с учетом в первую очередь социально-классового происхождения и политической ориентации "избранников народа".

Муниципальные чиновники, кроме всего прочего, собиравшие налоги с местного населения, должны были, по замыслу американских колонизаторов, являться как бы связующим звеном между ним и центральной администрацией.

Закон Джонса уточнил структуру и функции органов управления провинций. Провинциальный совет, состоявший из губернатора, казначея и руководителя службы надзора, осуществлял с разрешения американской администрации сбор налогов в городах провинции, а также контролировал финансовые дела муниципалитетов. Губернатор рассматривал жалобы на злоупотребления муниципальных чиновников и, если считал это необходимым, мог смещать их.

Система комплектования провинциально-муниципальных органов отличалась кастовым, корпоративным духом, строгой иерархичностью. Руководящие посты в них занимали ставленники тех или иных помещичье-буржуазных семей (кланов). Как признает американский исследователь Филиппин Г.Мэй, "главы муниципалитетов и провинций чувствовали себя маленькими диктаторами" /112, с.51/. Один из руководителей колониальной администрации — Дж. де Рой — отмечал, что США сознательно поддерживали влияние этих семей и всю систему касикизма, о которой уже говорилось в главе I. "В экономической и политической жизни каждой провинции, — писал он, — существеннейшую роль играли две — четыре местные помещичьи семьи" /112, с.43/.

Учитывая чрезвычайную живучесть архаичных связей, норм, представлений, действовавших на уровне

клана, рода, общины (большой семьи), сохранение отношений типа "патрон — клиент" между помещиками и крестьянами, американцы активно использовали эти традиции в административном механизме как своего рода "предохранительный клапан", дабы гарантировать себя от социальных взрывов.

"Понять филиппинскую семью, — указывает И.В.Подберезский, — значит понять филиппинское общество в целом, поскольку семейные связи являются в глазах большинства филиппинцев определяющими. Семья, а не личность выступает субъектом всех отношений... общество осознается как большая семья, и отношения между его членами строятся по типу семейных" /61, с.10/. Взять хотя бы так называемую систему крестничества (кумовства), которая утвердилась еще при испанцах по мере распространения католицизма, и связанную с ней роль баррио — низшей, но политически весьма значимой единицы административно-территориального деления Филиппин. Родители стараются, чтобы крестными их детей были люди с положением, способные оказать помощь крестникам да и им самим. "С раннего детства в крестьянах воспитывается преданность помещику. Все они — почти обязательно крестники его или кого-нибудь из его семьи" /61, с.27—28/. В среднем касик является крестным отцом не менее 300 жителей баррио, где находится его поместье. Будучи нередко в то же время чиновником в муниципальном или провинциальном органе управления, он может рассчитывать на безусловную поддержку своих крестников. По словам филиппинского исследователя Х.Абуэвы, "баррио превратились в вотчину чиновника-помещика и его политической группы, которые всячески стремятся сохранить голоса избирателей. Именно баррио служат одним из главных поставщиков этих голосов" /91, с.21/.

"Подгоняя" традиционные структуры к потребностям колониальной администрации, культивируя старые патриархальные связи, США тем самым тормозили прогрессивное развитие филиппинского общества.

Так называемая "эра Вильсона" ознаменовалась на Филиппинах значительным расширением участия представителей местной верхушки в системе управления. В 1913—1920 гг. число занятых в ней филиппинцев удвоилось, достигнув 96% общей численности чиновничье-бюрократического корпуса¹. Соответственно американский персонал сократился более чем в четыре с половиной раза /91, с.327/:

Год	Численность американских чиновников	Год	Численность американских чиновников
1912	2680	1917	1310
1913	2623	1918	948
1914	2148	1919	760
1915	1935	1920	582
1916	1730		

"Филиппинизация" административного аппарата логически предполагала интенсивную подготовку квалифицированных и лояльных национальных кадров. Если в 1903 г. США затратили на обучение филиппинских студентов в американских вузах 2 млн. долл., то в начале 20-х годов ежегодные расходы на эти цели возросли до 10 млн. долл. /91, с.195/.

Формирование местной образованной элиты, прошедшей проамериканскую идеологическую обработку, приобрело для США особую важность в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции. Правда, в силу своего географического положения Филиппины относились к числу колоний, наиболее изолированных от России, но и сюда проникло "общеевропейское брожение". Генерал-губернатор Гаррисон отмечал, что "весной и летом 1920 г. отношения между американской колониальной администрацией и населением стали в высшей степени напряженными" /104, с.154/. Путем уступок помещичье-буржуазным кругам Филиппин США старались не допустить радикализации буржуазно-националистических настроений в стране — и это им в немалой степени удалось.

Так, Партия националистов, и раньше отвергавшая "неконституционные" методы борьбы за независимость, еще решительнее стала выступать против развязывания революционной инициативы народных масс. "Лидеры Партии националистов стремились убедить рабочих и крестьян, что они должны верить «образованным» буржуазным политикам проведение кампании в пользу независимости, а свою роль ограничить сбором денег для посылки миссий и петиций правительству США" /32, с.411/. Американцы поощряли эту линию, ничем не грозившую их господству.

Содержавшееся в законе Джонса обещание, пусть и весьма неопределенное, о предоставлении независимости стране способствовало росту реформистских тенденций в среде филиппинских буржуазных националистов, их окончательному переходу на путь легальной борьбы в парламентских рамках.

Политика США на Филиппинах при республиканской администрации (1921 — 1932)

Период президентства Гардинга (1921 — 1923) и его преемников из республиканской партии США был ознаменован рядом изменений во внутренней и международной обстановке, сказавшихся на методах американской политики в отношении Филиппин. После прохождения экономикой США в марте 1921 г. низшей точки кризиса начался ее постепенный подъем, уменьшилось количество стачек. В последующие месяцы забастовочная волна спала также и на Филиппинах /50, с.89/. Временная стабилизация мирового капитализма повлияла и на международные отношения на Дальнем Востоке в целом. В ходе Вашингтонской конференции 1921 г. США, сделав некоторые уступки Японии, получили уверенность, что в ближайшей перспективе их относительно непрочные позиции в юго-западной части бассейна Тихого океана не будут сокрушены японской военной мощью.

Эти обстоятельства позволяли, по мнению американских государственных деятелей, сбросить маску "альтруизма" с колониальной политики США.

Гардинг, как и ряд ответственных сотрудников его администрации, не раз открыто высказывался за жесткий курс США на Филиппинах. Неудивительно, что одним из первых практических шагов президента стало увольнение Гаррисона, лично отвечавшего за проведение "филиппинизации", с поста генерал-губернатора. Одновременно он направляет на Филиппины комиссию во главе с Леонардом Вудом и Камероном Фербсом (последний с 1909 по 1913 г. был там генерал-губернатором). Доклад комиссии и сохранившиеся в нем рекомендации послужили "теоретической" базой колониальной политики на архипелаге в течение почти всего периода пребывания президентов-республиканцев в Белом доме. Смысл этих рекомендаций сводился к тому, что на Филиппинах надо не только пресечь всякие разговоры о независимости, но и, взяв обратно прежние уступки, полностью "заморозить" процесс "филиппинизации" административно-управленческого аппарата.

Уже в преамбуле доклада говорилось о "неспособности" филиппинцев к самоуправлению, а откровенно расистские выводы из него гласили: во-первых, необходимо сохранить нынешний статус архипелага, пока его жители не окажутся в состоянии управлять собою; во-вторых, генерал-губернатор должен по-прежнему быть высшим представителем власти США на архипелаге; в-третьих, в случае возникновения

трений между генерал-губернатором и филиппинской легислатурой последнее слово остается за президентом США; в-четвертых, ни при каких обстоятельствах Соединенные Штаты не должны ослаблять свои позиции на Филиппинах (см. /115, с.86/).

Доклад получил одобрение президента США, а один из его авторов, Л.Вуд, был назначен на пост генерал-губернатора Филиппин. До этого он долго служил в колониях: был военным губернатором Кубы, много лет командовал вооруженными силами США на Филиппинах, в 1910 г. стал начальником генерального штаба армии США.

По прибытии в Манилу 5 октября 1921 г. Вуд сразу дал понять филиппинцам, что им лучше пока забыть обещания, содержащиеся в законе Джонса, и начал "вычищать" из административного аппарата местных чиновников, которые, по мнению колонизаторов, слишком рьяно требовали скорейшего предоставления независимости стране. Естественно, "чистка" не могла не усилить оппозиционные, антиамериканские настроения в среде филиппинского чиновничества, включая высшие его слои. Эти настроения выражались в подаче петиций главе американской администрации в Маниле, а также в посылке миссий в Вашингтон с просьбами о независимости или хотя бы об отказе от ущемления филиппинских должностных лиц, о возвращении к политике, которую проводил генерал-губернатор Гаррисон на основе закона Джонса (см. /106, с.19/). Даже буржуазные исследователи в США признают, что с 1921 г. в американо-филиппинских отношениях "наметился застой" /123, с.262/. Он продолжался и после кончины президента Гардинга в 1923 г.

Проведение американцами жесткого курса на Филиппинах в значительной мере облегчалось кризисом, который переживала в первой половине 20-х годов Партия националистов (см. /50, с.90-93/). В результате борьбы в ее руководстве (вызванной, в частности, неудачей филиппинских "миссий независимости" в Вашингтоне) ключевые позиции в партии захватила группировка Кэсона², оттеснив сторонников Осменьи и Рохаса на второстепенные посты. В роли председателя Партии националистов Кэсон до самой смерти оставался виднейшей фигурой на политической арене страны, а его группировка была главным проводником национал-реформизма на Филиппинах. Поскольку недовольство жестким курсом США охватило весьма широкие круги местного общества, помещичье-буржуазная верхушка, опасаясь народных выступлений, старалась направить это недовольство в реформистское русло, чтобы контро-

лировать рост антиамериканских настроений, оказывать с их помощью давление на США и добиваться уступок в свою пользу.

Лидеры Партии националистов, под влиянием которых в 20-е годы находились основные политические силы страны — большинство помещиков-касииков, буржуазия, значительные слои крестьянства, возлагали надежды на то, что линия США может измениться и в конце концов привести Филиппины к независимости. Эти надежды питались тем, что в Вашингтоне существовали известные расхождения по филиппинскому вопросу (см. /50, с.94-95/).

В 1927 г., после шести лет "чистки" административно-управленческого аппарата и замораживания процесса его "филиппинизации", генерал-губернатор Вуд покинул архипелаг. Генри Стимсон, назначенный на его место в 1928 г. распоряжением президента США Кулиджа, должен был согласно инструкции последнего восстановить "дружеские" отношения и "взаимопонимание" между филиппинской и американской частями системы колониального управления. Президентская инструкция предписывала также "не ослаблять контроля со стороны США над работой филиппинских чиновников" /89, с.140/.

На практике "восстановление взаимопонимания" свелось к тому, что был увеличен оклад жалованья филиппинцам — членам Государственного совета, а генерал-губернатор стал появляться на официальных приемах в филиппинской национальной одежде. Указание же о "неослабном контроле" выполнялось весьма серьезно. Так, несмотря на разрекламированную "либерализацию" режима, именно в период правления Стимсона американские власти своим ве-то аннулировали решение филиппинской легислатуры провести плебисцит по вопросу о независимости страны, а президент Кулидж высказался против какого-либо изменения правового статуса архипелага и ухода оттуда Соединенных Штатов.

Осенью 1931 г. в Вашингтон прибыла девятая по счету "миссия независимости", на этот раз во главе с Осменьей и Рохасом. В Белом доме находился тогда последний президент-республиканец рассматриваемого периода — Герберт Гувер, противник "филиппинизации" административно-управленческого аппарата на архипелаге. Гувер и его окружение выражали в данном вопросе взгляды наиболее консервативных империалистических кругов США, не склонных считаться с реальной действительностью. Но определенная часть членов американского конгресса создала необходимость реформы колониального управления на Филиппинах.

США, как и весь капиталистический мир, переживали экономический кризис. В Европе начался революционный подъем. В Юго-Восточной Азии вспыхнули национальные восстания. Япония, разорвав в одностороннем порядке Вашингтонское соглашение, предприняла в сентябре 1931 г. интервенцию в Маньчжурии, а затем в Шанхае, что привело к обострению японо-американских противоречий в бассейне Тихого океана.

А на Филиппинах 7 ноября 1930 г., в день 13-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, на многолюдном митинге в одном из рабочих районов Манилы было официально объявлено о создании Коммунистической партии /50, с.128; 53, с.193/.

Здравомыслящие американские конгрессмены понимали, что в такой обстановке активизация национального движения на архипелаге была бы весьма опасна для позиций США, и считали полезным в целях их укрепления дать более определенное, чем в 1916 г., обещание относительно независимости, а пока несколько изменить формы колониального господства, чтобы воспрепятствовать радикализации филиппинцев, поддержать у них реформистские иллюзии.

В результате 29 декабря 1932 г. конгресс США принял Закон о независимости Филиппин, основой которого послужили билли, предложенные конгрессменами Хэйром, Хауэсом и Каттингом /50, с.141/. Он предусматривал предоставление независимости стране по истечении 10-летнего переходного периода, на который ей присваивалось название "автономные Филиппины", образовывалось "автономное правительство" (с полным сохранением американского суверенитета над архипелагом), генерал-губернатор заменялся верховным комиссаром США. Конституция автономных Филиппин подлежала утверждению американским президентом, который мог отменить любой принятый там закон. В стране оставался корпус американской морской пехоты. Правительству США по-прежнему принадлежало право вести внешние сношения Филиппин, а также вмешиваться в их внутренние дела ради "защиты жизни, собственности и личной свободы" американских граждан, использовать филиппинские вооруженные силы по своему усмотрению. На Филиппины распространялась юрисдикция Верховного суда США. В школах сохранялось преподавание только на английском языке /50, с.141/.

Однако многие представители американских политических верхов, занимавшие ключевые посты в администрации Гувера, выступили против этого зако-

на. Среди них были военный министр Патрик Хэрли, еще в 1930 г., в ходе своего визита в Манилу, решительно высказавшийся как против "филиппинизации" системы управления на архипелаге, так и против предоставления независимости Филиппинам (см. /89, с.140/), бывшие генерал-губернаторы Филиппин — государственный секретарь Стимсон и Дуайт Дэвис, только что назначенный генерал-губернатором Филиппин Теодор Рузвельт-младший. Их точку зрения поддерживали некоторые влиятельные представители деловых кругов, в частности газетный "король" Херст, и, наконец, сам президент Гувер. В послании конгрессу, сопровождавшем его вето, наложенное 12 января 1933 г., он утверждал, что этот закон "не дает Соединенным Штатам подлинной власти для поддержания порядка в условиях все ухудшающейся экономической и политической ситуации" /50, с.142; 100, с.96/.

При рассмотрении политики США в отношении Филиппин в период 1921—1932 гг. обращает на себя внимание любопытная закономерность. Если отдельные успешные акции, преподносимые империалистической пропагандой под вывеской "мессианства" и "либеральности", объясняются по сложившейся у буржуазных историков США традиции "демократизмом" американского политического строя и только потом — достоинствами конкретного руководителя, то гораздо более частые провалы приписываются целиком и полностью личным ошибкам государственных деятелей (см. /39, с.167/).

Как показано выше, для этой политики было характерно чередование псевдолиберальных периодов с этапами, характеризовавшимися использованием жестких методов, заимствованных из арсенала "классического" колониализма. Это сопровождалось, как правило, и сменой исполнителей, проводников того или иного курса, в частности генерал-губернаторов.

Говоря в свое время о тактических приемах мнимого либерализма, К.Маркс подчеркивал: "...вынужденный делать уступки, он жертвует людьми — орудиями, и сохраняет неизменной суть дела — данный институт. Этим отвлекается внимание поверхностной публики. Озлобление, вызванное сутью дела, превращается в озлобление против определенных лиц. Воображают, что со сменой лиц изменится и само дело" /1, с.4—5/.

Американские правящие круги не раз пытались убедить филиппинцев (да и самих себя), что "недостатки" и неудачи политики США на архипелаге объясняются якобы лишь неправильными действиями отдельных чиновников, а стоит, дескать, их сме-

нить, как система демонстрирует свою эффективность. Однако сама жизнь, практика разбивали утверждения апологетов американского империализма, ратовавших за сохранение колониального господства на Филиппинах.

Провозглашение автономии и принятие конституции (1933—1935)

В начале 30-х годов Филиппины испытывали влияние мирового экономического кризиса как непосредственно — из-за его воздействия на филиппинское хозяйство, так и косвенно — в результате общего обострения противоречий всей капиталистической системы. Этот кризис вкупе с политической республиканской администрации США в отношении Филиппин имел следствием резкое ухудшение положения крестьян и рабочих, рост недовольства мелкой буржуазии, низших государственных служащих. Движение масс принимало подчас форму мощных манифестаций и вооруженных выступлений (подробно см. /50, с.117—139/). И все чаще значительная часть имущих слоев стала поддерживать требование демократических сил о предоставлении независимости стране (строго соблюдая, однако, рамки "законности"). Так, с января по октябрь 1933 г. большинство членов филиппинской легислатуры постоянно голосовали в пользу независимости (табл. 5). Столь широкие протесты против колониального режима заставляли США форсировать поиск новых методов своего господства.

Таблица 5

Итоги голосования в ходе дебатов по вопросу о независимости, проведенных в легислатуре Филиппин с января по октябрь 1933 г.*

Месяц	Палата представителей			Сенат		
	за	против	не голосовали	за	против	не голосовали
Январь	44	26	26	Нет данных		
Апрель	58	24	12	17	7	0
Июль	49	29	18	16	5	3
Октябрь	54	21	21	15	4	3

* Составлено по /89, с.112/.

Проведение административной реформы на Филиппинах было облегчено внутривластными переменами

в Соединенных Штатах. В начале 1933 г. пост президента занял представитель демократической партии Франклин Делано Рузвельт, который отдавал себе отчет в том, что нестабильность на архипелаге перед лицом растущей угрозы японской агрессии чревата для его страны полной утратой контроля над этой территорией. По предложению Рузвельта конгресс США принял 24 марта 1934 г. Закон Тайдингса — Макдаффи об автономии и независимости Филиппин, в основных своих чертах аналогичный закону 1932 г., на который тогда было наложено президентское вето: предусматривались 10-летний переходный период, замена генерал-губернатора верховным комиссаром и создание автономного правительства при фактическом сохранении суверенитета США на архипелаге, а также присутствии там их войск и т.д. Филиппинская легислатура должна была образовать Конституционный конвент для выработки текста конституции страны, который подлежал окончательному утверждению президентом США. Некоторые статьи закона явно имели целью обеспечить позиции Соединенных Штатов на Филиппинах и после обретения ими независимости. Он, в частности, гарантировал неприкосновенность американских капиталовложений. Закон Тайдингса — Макдаффи вступил в силу 1 мая 1934 г., после его утверждения филиппинской легислатурой.

Тем не менее "административная реформа на Филиппинах при всей своей ограниченности шла намного дальше тех уступок в колониях, на которые решались в то время правительства метрополий" /54, с.197/.

Фрэнк Мэрфи, назначенный новым генерал-губернатором Филиппин, уже с первых дней пребывания в Маниле начал в отличие от своих предшественников, представлявших республиканскую партию США, активно привлекать местную буржуазию и помещиков к более широкому участию в управлении страной, рассчитывая тем самым заручиться лояльностью ее социальной верхушки. Так, по распоряжению Мэрфи филиппинцы — члены легислатуры — возглавили четыре столичных департамента. В одном из отчетов президенту США он прямо писал, что стремится, принимая важные политические решения, учитывать точку зрения помещичье-буржуазных кругов Филиппин /89, с.159/.

Закон Тайдингса — Макдаффи осуществлялся в накаленной обстановке неутраченных социальных конфликтов на Филиппинах. Так, мощное крестьянское восстание, участники которого захватили ряд крупных населенных пунктов в провинциях Центрального Лусона (подробно см. /73; 54, с.198/), побудило

власти ускорить разработку филиппинской конституции, призванной служить основным законом страны как на период автономии, так и после перехода ее к независимости.

В феврале 1935 г. Конституционный конвент Филиппин завершил свою работу, а 23 марта Ф.Д.Рузвельт утвердил текст конституции, которая действовала в стране более трех с половиной десятилетий — до 1972 г.

"Сущность конституции, — писал В.И. Ленин, — в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения, их компетенции и пр., выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе" /6, с.345/. "Юридическая" и так называемая "живая", фактическая конституция буржуазных государств обычно не совпадают (см. /40, с.69/), и Филиппины в этом смысле не составили исключения. Формально их конституция носила буржуазно-демократический характер, а на деле она маскировала наличие в стране многочисленных феодальных пережитков, тесную связь помещичье-буржуазных кругов с американским империализмом, стремившимся сохранить свое колониальное господство под конституционной оболочкой автономии. Тем не менее "юридическая" конституция отнюдь не утрачивает своего значения; занимая важнейшее место в системе социально-политических норм капиталистического общества, именно она определяет в основных чертах структуру и функции механизма власти данной страны.

При самом беглом знакомстве с конституцией Филиппин 1935 г. становится ясно, кем были продиктованы такие ее положения, как, например, раздел I ст. XVII, говорящий об охране имущественных прав граждан и корпораций США наряду с правами филиппинских граждан, или раздел III ст. XIV, провозглашающий официальными языками (до выработки общенационального) английский и испанский, т.е. законодательно закрепляющий языковую политику Соединенных Штатов, которые рассматривали широкое насаждение английского языка как одно из действенных средств "американизации" страны.

Даже по признанию американских буржуазных историков (см. /101; 89/), государственные институты Филиппин, предусмотренные ст. VI и VII конституции, во многом копировали соответствующие институты "президентской республики" США. Главе исполнительной власти на Филиппинах предоставлялись самые широкие полномочия: президент формировал и возглавлял правительство, назначал и смещал чле-

нов Верховного суда, высший командный состав армии, дипломатических представителей, мог накладывать вето на законы, принятые парламентом, а в "чрезвычайной обстановке" — и сам издавать законы, приостанавливать действие гарантий неприкосновенности личности, запрещать проведение забастовок и использовать вооруженные силы "для подавления беззаконного насилия".

В конституции наряду с учетом интересов США закреплялись и "особые права" помещичье-буржуазных кругов Филиппин. Так, частное имущество не могло быть "отчуждено в публичных интересах без справедливой компенсации" (ст. III, раздел I). Участие в выборах ограничивалось цензами грамотности и оседлости (ст. V, раздел I). Человек, не располагающий значительными финансовыми возможностями, не мог и мечтать о выдвижении своей кандидатуры в Ассамблею, а тем более на пост президента. "Для филиппинца, не опирающегося на богатство, — констатировал бывший американский вице-губернатор Хэйдэн, — безнадежно вступать в политическую избирательную борьбу" /50, с.157/.

На конституцию наложила свою печать и борьба демократических сил. Как отмечает Ю.О. Левтонова, "внесение в текст филиппинской конституции билля о правах и декларации о достижении социальной справедливости и экономического благосостояния народа отвечало духу времени — влиянию подъема массового демократического движения" /54, с.199/. Разумеется, провозглашение в упомянутом билле (ст. III, раздел I, пп.1—21) политических и личных прав и свобод сопровождалось оговорками, фактически сводившими их на нет, а декларирование целей "социальной справедливости" было чисто формальным (подробно см. /43/). Тем не менее следует по достоинству оценить сам этот факт — результат длительного, упорного сопротивления филиппинского народа американским поработителям. "Ни английские, ни голландские, ни французские колониальные власти, — подчеркивает Г.И. Левинсон, — в то время не испытывали необходимости идти на такие конституционные маневры, какие пришлось проделать Соединенным Штатам на Филиппинах" /50, с.155/.

Примечательно, что многие видные деятели национально-освободительного движения стран Азии приветствовали завоевание филиппинцами автономии и конституции. Так, Ганди, говоря о законе 1934 г. и важности определения точного срока, по истечении которого страна обретет независимость, заявил: "Мы в Индии добиваемся того же" (см. /50, с.155/). Напротив, руководители "старых" колони-

альных держав опасались нежелательного для них пропагандистского эффекта событий на Филиппинах. Крайне негативно отозвался о законе 1934 г., например, У.Черчилль.

Буржуазная американская историография, стремясь затушевать колониальную сущность политики США на Филиппинах, подчас утверждает, будто там к рассматриваемому моменту существовала местная "правящая элита". Насколько правомерно подобное суждение? Советская востоковедная наука, имея в виду покончившие с колониальным гнетом развивающиеся страны, считает "правящей элитой" в этих странах те элементы и группы, которые "причастны к процессу выработки и принятия политических решений. И это не только принимающие, а также те, кто оказывает непосредственное воздействие на лиц, принимающих решения" /59, с.293—294/. В условиях же американского господства на Филиппинах, как явствует из вышеизложенного, главной силой, "не только принимающей, но и оказывающей непосредственное воздействие на лиц, принимающих решения", была американская колониальная администрация, так что попытки доказать "полную самостоятельность" филиппинской части управленческого аппарата не имеют под собой оснований.

Нельзя, однако, игнорировать наличие на архипелаге местной (хотя и не "правящей") элиты, в первую очередь касиков, сохранивших свое традиционное влияние, особенно на периферии. Но если при испанских колонизаторах эти "старые политические зубы" составляли костяк филиппинского чиновничества, то при американцах "им пришлось... действовать в блоке с новой буржуазно-бюрократической верхушкой" /50, с.174/.

"В начале XX в., — пишет В.Я.Архипов, — с установлением на Филиппинах господства США хозяйственное развитие колонии заметно ускорилось. Новая метрополия по сравнению с полуфеодальной Испанией располагала несравненно более широкими финансово-экономическими возможностями для эксплуатации колонии" /19, с.8/. Тем не менее акцент, как и прежде, делался на развитие экспортных отраслей, что тормозило рост национальной промышленности, превращало Филиппины в аграрно-сырьевой придаток США. Отсюда — и природа формировавшейся в стране буржуазии, которая занималась преимущественно посредничеством между американскими торговыми компаниями и филиппинскими помещиками — поставщиками сельскохозяйственной продукции на внешний рынок, т.е. была большей частью компрадорской. По определению О.Г.Барышниковой, "для крупной торговой буржуазии

была характерна тесная связь с американским капиталом и зависимость от него, что порождало ее реакционный характер" /20, с.5/. К тому же большинство ее представителей, в частности члены семейств местных миллионеров — Сориано, Элисалде, Марсман, являлись одновременно богатыми землевладельцами или поддерживали самые прочные отношения с феодально-помещичьими кругами /20, с.7/. Национальная промышленная буржуазия, крайне слабая и многочисленная, не имела почти никакого экономического и политического веса /20, с.5/.

Именно блок, включавший в себя так называемых "чистых" чиновников-помещиков (касиков) и чиновников, выходцев из торгово-промышленной буржуазии, стал формально осуществлять власть на Филиппинах после провозглашения автономии страны.

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ
АДМИНИСТРАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО АППАРАТА
ФИЛИППИН В ПЕРИОД С 1935 ПО 1946 г.Формирование управленческого аппарата
автономных Филиппин
(1935 — 1940)

Вслед за принятием конституции на Филиппинах развернулась первая в истории страны кампания по выборам президента, завершившаяся 17 сентября 1935 г. убедительной победой кандидата от Партии националистов Мануэля Кэсона, за которого проголосовало около 69% избирателей. Один из двух его соперников — Эмилио Агинальдо, бывший президент Филиппинской республики 1898 г., собрал 17,5% голосов. За ним шли Радикальная партия, созданная буржуазными националистами, Рабочий конгресс Филиппин, а также несколько мелкобуржуазных группировок. Третий претендент — епископ независимой церкви Грегорио Аглипай — получил 14% голосов. Его кандидатура была выдвинута блоком левых демократических сил — Коалицией угнетенных масс, в которую входили Республиканская партия, Социалистическая партия и Лига тружеников. Коалицию поддерживала Коммунистическая партия Филиппин (см. /54, с. 199; 50, с. 166 — 167/).

Победа Кэсона объяснялась рядом причин, и прежде всего, пожалуй, образованием по его инициативе в канун выборов, в июне 1935 г., избирательного блока "традиционных" партий — Партии националистов и Демократической, что позволило им на время отбросить распри, создать монолитное объединение. Авторитет националистов среди широких масс оставался достаточно высоким. Именно деятельности этой партии и ее лидера большинство филиппинцев приписывали завоевание автономии (см. /54, с. 199/). Сыграли свою роль и содержащиеся в предвыборной платформе Кэсона обещания, которые "были, как всегда, расчетливы" /50, с. 165/, чего нельзя сказать о программах его соперников.

Аглипай, например, заявлял о намерении "обрубить щупальца бюрократического осьминога, сосуще-

го кровь народа" /50, с. 167/. Это не могло не вызвать негативной реакции у представителей помещичье-буржуазных кругов, рассчитывавших при режиме автономии на доходные государственные должности и составлявших, кстати, значительную часть избирательного корпуса. Агинальдо сулил сократить период перехода к независимости до трех — четырех лет и резко критиковал половинчатую политику Кэсона. Однако радикально настроенные люди, к которым апеллировал бывший президент, не забыли, что именно он в свое время санкционировал убийство видных руководителей революционного движения — Бонифасио и Луны, снял с поста премьер-министра, последовательного борца против американского империализма, Аполинарио Мабини.

"Расчетливый" же Кэсон старался угодить всем. Выступая перед трудящимися, он демагогически обещал "положить конец злоупотреблениям помещиков"; адресуясь к имущим слоям филиппинского общества, гарантировал "ликвидацию острых противоречий между трудом и капиталом", а также принятие "решительных мер" против тех, кто "возбуждает в массах недовольство и проповедует разрушительные доктрины"; обращаясь к американцам, заверял их в том, что Филиппины будут "поддерживать самые дружественные отношения и самое тесное сотрудничество с США", подчеркивал; что считает вопрос о независимости Филиппин "решенным" и осуждал призывы других кандидатов "к более короткому переходному периоду" (см. /50, с. 165/). Безусловно, этот тезис Кэсона особенно устраивал американские правящие круги.

На официальной церемонии 15 ноября 1935 г. Фрэнк Мэрфи, который с этого дня именовался не генерал-губернатором, а верховным комиссаром США, торжественно провозгласил Мануэля Кэсона президентом автономных Филиппин.

Изменение формы управления страной не затронуло основ экономического господства и политического влияния Соединенных Штатов на архипелаге.

Хотя на Филиппинах действовали компании ряда капиталистических стран — конкурентов США (японские, английские, германские и т.д.), именно американский капитал был к началу второй мировой войны решающим фактором в важнейших отраслях местной экономики (подробно см. /67/). Ускоренное (по сравнению с временами испанского владычества) хозяйственное развитие страны сопровождалось расслоением филиппинской буржуазии. Этот процесс приобрел особую интенсивность в период экономического кризиса 1929 — 1932 гг., когда вследствие массовых банкротств огромные средства, вложенные подчас в

множество мелких предприятий, сосредоточивались в одних руках. На архипелаге появились "свои" монополии, имевшие, однако, специфически колониальный характер. Они не были связаны с концентрацией производства и созданием промышленности современного типа, а продолжали получать львиную долю доходов от посреднических операций, по-прежнему находясь в зависимости от американского капитала. Таким образом, социальная структура Филиппин, оставшихся и в условиях автономии аграрно-сырьевым придатком США, сохраняла типично колониальную черту — преобладание торгово-посреднической, компрадорской буржуазии.

После введения режима автономии, как отмечает Ю.О.Левтонова, "представители местной буржуазии и помещиков получили доступ к использованию государственного аппарата в качестве дополнительного источника обогащения" /54, с.201/. В конце 30-х годов сложилось несколько ведущих капиталистических кланов — Элисалде, Сориано, Мадригаль и др., чья роль в общественно-политической и экономической жизни страны велика и в наши дни.

Кэсон назначил многих крупных дельцов на высшие административные посты. Его личным советником по экономическим вопросам стал Хоакин Элисалде — не только владелец скотоводческих ферм, лесопильных заводов, золотых приисков и фабрик по производству пенькового каната (дававших до 90% этой продукции), но и монопольный представитель на Филиппинах таких американских корпораций, как "Вестингауз", "Виллис", "Юнион ойл компани оф Калифорния" и др. С 1938 г. Элисалде — член Государственного совета, а позже — резидент-комиссар Филиппин в США. Другой видный бизнесмен — Андрес Сориано, президент "Мортгэйдж бэнк оф Филиппинз", глава ряда компаний по добыче хрома и золота, обладатель монополии на продажу в стране кока-колы, занял пост министра финансов (перед второй мировой войной он поместил часть своих капиталов в американскую авиационную промышленность). Висенте Мадригаль, прозванный "угольным королем" Филиппин, возглавил государственный банк и торговую палату; Педро Гевара, один из крупнейших владельцев плантаций сахарного тростника, отправился в качестве резидента-комиссара в Вашингтон; хозяин ряда горнодобывающих компаний Эулогио Родригес был назначен министром сельского хозяйства и торговли (см. /50, с.174/).

13 ноября 1936 г. конгресс Филиппин одобрил билль "О расширении системы гражданской службы", что привело к росту расходов на содержание пра-

вительственных органов до 45% всех бюджетных ассигнований. Сверх того, американская администрация ежегодно передавала правительству Филиппин на эти цели около 15 млн. долл. (см. /50, с.175/). Как писал в Вашингтон верховный комиссар на Филиппинах Макнатт, "американские ежегодные субсидии ставят автономное правительство в такую финансовую зависимость от США, которая даже не предусматривалась в законе Тайдингса — Макдаффи". "Из-за этих поступлений, — продолжал он, — значительно разбухли штаты государственного аппарата, а также увеличилось число лиц, богатейших за государственный счет" /50, с.175/.

Увеличение разрыва между богатством на одном "полюсе" и нищетой — на другом усиливало социальную напряженность, что могло поколебать устойчивость буржуазного господства. Автономному правительству надо было продемонстрировать свою готовность "позаботиться о нуждах трудового народа". Поэтому сразу же после выборов оно приступило к осуществлению некоторых реформ в рамках широко разрекламированной "программы социальной справедливости" Кэсона. К примеру, в 1936 г. были приняты законы, регулирующие отношения между рабочими и предпринимателями (подробно см. /54, с.204; 50, с.199/).

Говоря о внутривластной обстановке на Филиппинах в годы автономии, следует упомянуть о новом резком обострении национального вопроса. Правительство Кэсона взяло курс на дискриминацию "нехристианских" меньшинств — горных племен и народностей, мусульман, китайцев и др. Оно поощряло захват переселенцами-христианами земель, принадлежавших меньшинствам, отняло у мусульманской знати привилегии, которые признавались за нею даже американцами, назначило практически на все административные посты в мусульманских провинциях юга страны чиновников-христиан. Хозяйственное освоение Минданао — самого крупного из южных островов архипелага — осуществлялось не с целью поднять жизненный уровень местного населения, а в интересах экономического развития севера. Разжигание этнической и религиозной нетерпимости к "нехристианским" меньшинствам вызвало ответную враждебность с их стороны. Так, после введения режима автономии представители мусульман обратились к Белому дому с просьбой либо дать южным районам автономию отдельно от северных, либо сохранить их как американскую колонию. Можно только согласиться с Ю.О.Левтоновой в том, что "Кэсон проводил прямолинейную жесткую политику (сравни-

тельно с более гибкой американской) в отношении мусульман" /54, с.205/.

Одной из крупных уступок, которую американцы были вынуждены сделать филиппинской элите по закону Тайдингса — Макдаффи, явилось создание регулярной национальной армии. В перспективе она могла бы стать орудием защиты суверенитета Филиппин, но, разумеется, это вовсе не входило в планы американских колонизаторов, постаравшихся установить строгий контроль над такой важной категорией местного чиновничества, как военные кадры.

При анализе взаимосвязей армии и общества в развивающихся странах советская востоковедная наука различает два типа вооруженных сил. "Армии первого типа — это армии, возникавшие одновременно с рождением национальной власти в период освободительных войн; армии второго типа — создававшиеся сверху колонизаторами, а впоследствии "унаследованные" постколониальными режимами" /68, с.22/. На Филиппинах был реализован второй вариант. С самого начала их армия создавалась при непосредственном участии американских советников и в тесной взаимосвязи с вооруженными силами США. Даже в наши дни в ней приняты организационные формы войсковых соединений и частей, а также структура управления, заимствованные у США (см. /79, с.123/).

В письме Ф.Энгельсу от 25 сентября 1857 г. К.Маркс заметил: "...в истории армии с поразительной ясностью резюмируется вся история гражданско-го общества" /3, с.154/. В свою очередь, Ф.Энгельс на огромном фактическом материале показал, что вооруженные силы представляют собой как бы слепок того общественного строя, при котором они складываются и развиваются (см. /68, с.21/). Генезис и эволюция филиппинской армии ярко иллюстрируют выводы основоположников марксизма.

Напомним, что вскоре после захвата архипелага США сформировали из филиппинцев муниципальную полицию и констабулерию (военизированную полицию), которые, в частности, помогали 19-тысячному американскому корпусу морской пехоты выполнять карательно-репрессивные функции. Если до 1916 г. в констабулерию насчитывалось только 10 филиппинских офицеров (из общего числа 376), возглавлявших подразделения, или менее 3%, то после принятия закона Джонса их удельный вес возрос к 1921 г. до 70%. Однако перемены коснулись лишь младшего и среднего командного состава, высшие же должности, включая пост командующего, по-прежнему были заняты американцами.

Те, кому это было нужно, заранее позаботились о сохранении отрыва армии от народа, закрепив в законодательном порядке ее "политическую нейтральность". Конституция 1935 г. (ст. XII, раздел II) гласила, что лица, входящие в состав вооруженных сил, "ни прямо, ни косвенно не могут заниматься политической деятельностью, связанной с приверженностью к той или иной партии, или принимать участие в каких-либо выборах, за исключением участия в голосовании" /42, с.612/. Автономное правительство и его американские хозяева намеревались превратить филиппинских военных — специфическую категорию чиновничества — в послушное орудие подавления национально-освободительного движения.

Формирование армии было поручено генералу Дугласу Макартуру, который уже имел солидный опыт командования войсками Филиппинского военного округа (с 1928 по 1930 г.), а затем возглавлял генеральный штаб армии США. Прибыв в Манилу 1 сентября 1935 г., он был назначен военным советником автономного правительства; вскоре президент Кэсон присвоил ему звание фельдмаршала Филиппин. Макартур "пользовался властью, далеко выходящей за рамки чисто военных дел", был "членом номер один мозгового треста" и по всем основным политическим вопросам давал Кэсону "советы", к которым тому приходилось "прислушиваться" /50, с.185/.

Согласно плану, разработанному Макартуром и одобренному Кэсоном, численность личного состава вооруженных сил должна была к концу переходного периода достигнуть 10 тыс. при 400 тыс. резервистов (их следовало готовить по 40 тыс. каждый год). За тот же срок намечалось создать военно-воздушные и военно-морские силы, которые имели бы на вооружении соответственно 250 самолетов и 50 торпедных катеров. На осуществление плана ежегодно отпускалось до 22% всех бюджетных ассигнований, поступала и предназначенная для этого помощь из США /100, с.165/.

Как известно, армия развитых буржуазных стран, в отличие от полиции и военизированных формирований, не занимается повседневной охраной порядка. Ее использование для обеспечения "внутренней безопасности", подавления общедемократического и революционного движения — это, как правило, крайнее средство, к которому прибегает правящий класс при возникновении кризисных ситуаций (см. /40, с.289/).

По замыслам же американских советников, возглавляемых Макартуром, филиппинская военизирован-

ная полиция (констабулярия) должна была полностью влиться в регулярную армию с тем расчетом, чтобы именно последняя выполняла полицейские функции. Этой задаче подчинялся и план дислокации войск. "Размещение гарнизонов регулярной армии по островам, — указывал Макартур, — автоматически обеспечивает резервы, которые в случае надобности могут быть быстро использованы в качестве чрезвычайных полицейских сил" /50, с.186/.

Медленные темпы оснащения и обучения филиппинской армии также свидетельствовали о том, что она отнюдь не в первую очередь предназначалась для защиты страны от вторжения извне. Даже в канун японской агрессии ВВС Филиппин имели только 40 экипажей, подготовленных американскими инструкторами для полетов на устаревших машинах, далеко уступавших японским по своим технико-тактическим характеристикам, а ВМС располагали... двумя экипажами торпедных катеров /113, с.38/. Это было в немалой степени следствием грубого просчета американских правящих кругов, уверовавших, что Япония нападет прежде всего на Советский Союз¹.

Между тем В.И.Ленин еще в 1920 г. предвидел: "...перед нами растущий конфликт, растущее столкновение Америки и Японии, — ибо из-за Тихого океана и обладания его побережьями уже многие десятилетия идет упорнейшая борьба между Японией и Америкой, и вся дипломатическая, экономическая, торговая история, касающаяся Тихого океана и его побережий, вся она полна совершенно определенных указаний на то, как это столкновение растет и делает войну между Америкой и Японией неизбежной..." /14, с.94/.

Хорошо известно, что с начала 20-х годов "молодой" империалистический соперник США на Тихом океане стал готовиться к войне с ними. Филиппинские острова привлекали Японию и в экономическом плане (недаром она занимала перед войной второе место по размеру инвестиций на архипелаге), и в стратегическом — как плацдарм для захвата колониальных владений Англии, Франции и Голландии в Азии.

Япония успешно осуществляла экономическое и политическое проникновение на Филиппины. К 1939 г. там насчитывалось 29 тыс. японских поселенцев (второе больше, чем в 1918 г.), с помощью которых была создана разветвленная шпионская сеть. Им принадлежала большая часть морских рыболовных судов на архипелаге. Многие филиппинские предприниматели, связанные с японским капиталом, занимавшим солидные позиции в горнодобывающей промышлен-

ности страны, стали политическими союзниками японцев. Автономное правительство одобряло проводившуюся Вашингтоном политику "умиротворения" Японии. В феврале 1937 г., вернувшись из Токио после официального визита, президент Кэсон заявил: "Япония не представляет угрозы для Филиппин" /83, с.286/.

Правящие круги США вкупе с Лондоном и Парижем упрямо гнули на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии уже опробованную — и провалившуюся — в Европе "мюнхенскую" линию: пытались отвлечь японскую экспансию от своих колоний, направить ее на север, против СССР, и сговориться с Японией о разделе сфер влияния в Китае. Соединенные Штаты продолжали снабжать Японию стратегическими товарами, а в марте 1941 г. начали с нею широкие дипломатические переговоры, в ходе которых выражали готовность пойти на значительные уступки (вплоть до нейтрализации Филиппин), лишь бы она обещала ограничить свои захваты северной частью азиатского материка.

Нельзя сказать, что возможность нападения на Филиппины полностью игнорировалась политическим и военным руководством США. С целью укрепления обороны архипелага туда были направлены американские "летающие крепости" из состава Дальневосточной авиации США, строились береговые укрепления. Но все эти меры принимались исходя из такой недооценки японской военной мощи, будто она оставалась на уровне начала века. Корреспондент Ассошиэйтед Пресс в Маниле утверждал, что армия Японии представляет собой "массу плохо одетых, необученных мальчишек от 15 до 18 лет, вооруженных лишь стрелковым оружием такого малого калибра, что практически убить американца из своей винтовки японец не сможет" /58, с.74/².

Присоединение Японии к пакту Берлин — Рим и создание оси Берлин — Рим — Токио поставили США перед реальной перспективой борьбы за господство на Тихом океане. Содержание и тон речей Ф.Д.Рузвельта с начала 40-х годов указывают на все большее понимание им опасности планов Японии для американских позиций в азиатско-тихоокеанском регионе. 29 декабря 1940 г., обращаясь к народу, он, в частности, сказал: "Сохранение полного контроля над Тихим океаном является для США вопросом жизни или смерти" /120, с.5/, а в послании конгрессу от 6 января 1941 г. сообщил, что "армия и военно-морской флот США, дислоцированные как в самих США, так и на базах в Тихом океане (Филиппины, Гуам, Мидуэй, Гавайи), энергично перевоору-

жаются и повышают свою боевую подготовку" /120, с.21/.

Однако подобные меры, принимавшиеся администрацией Соединенных Штатов в 1940—1941 гг., уже не были способны помочь им преодолеть отставание от Японии по уровню военной мощи в бассейне Тихого океана. Не кто иной, как Макартур, на первом этапе формирования филиппинской армии заявлял: "Филиппины, может быть, и не дверь, контролирующая вход на Тихий океан, может быть, даже и не замок на этой двери, но они, несомненно, ключ к замку, открывающий эту дверь для Америки. Я не могу допустить, чтобы этот ключ был потерян" /50, с.185/. Тем не менее именно так и случилось, ибо по вине американских колонизаторов, которых беспокоила прежде всего угроза их позициям на архипелаге со стороны филиппинского народа, армия страны оказалась небоеспособной перед лицом японской агрессии, которую Соединенным Штатам, несмотря на все их старания, не удалось направить на север. Антисоветская "мюнхенская" линия обернулась против самих США.

Административный аппарат
в период японской оккупации (1941—1945)

В стратегических планах милитаристской Японии захвату Филиппин придавалось особое значение. Архипелаг мог служить источником ценного сырья, а главное — плацдармом для овладения Индонезией, Малайей, материковыми странами Юго-Восточной Азии и для обеспечения коммуникаций японской армии при дальнейшем ее наступлении в сторону Индии и Австралии.

Война на Тихом океане началась 7 декабря 1941 г. Всего две недели спустя, в ночь на 22 декабря, первые подразделения японских войск высадились на северном побережье Лусона и стали продвигаться к Маниле. Паника охватила не только военное командование США на Филиппинах, но и автономное правительство. "Среди политических руководителей в Маниле царили растерянность и полный разброд. Одни старались получить убежище в штабе Макартура, другие искали возможность услужить японцам, третьи (весьма немногие) думали об организации народного сопротивления захватчикам, большинство же просто выжидало, в чью пользу обернется ход военных операций" /50, с.264/. Ф.Д.Рузвельт в послании Кэсону обещал защитить филиппинцев от японской агрессии, а тот заверял в ответ, что "филиппинский на-

род будет до победного конца сражаться с японцами на стороне США" /110, с.22/. Но 2 января 1942 г. Манила, объявленная открытым городом, была сдана без боя.

После стремительного отхода американских войск в глубь архипелага тон обращений Кэсона к Рузвельту резко изменился. 13 января он писал: "Неужели в Вашингтоне уже решили, что филиппинский фронт не важен для судеб войны и неужели мы не можем рассчитывать на помощь извне до того, как будут истощены наши оборонительные возможности?" /127, с.300/. В одном из своих посланий Кэсон просил Рузвельта немедленно предоставить Филиппинам независимость, с тем чтобы они провозгласили себя нейтральной страной и потребовали вывода как японских, так и американских войск. Президент США отклонил эту просьбу (см. /127, с.305/).

Заняв Манилу, японские оккупанты сразу стали подыскивать готовых к сотрудничеству с ними людей, ранее занимавших видное положение в автономном правительстве. В то время как филиппинские солдаты еще вели бои на п-ове Батаан, касики, лидеры Партии националистов, высшие правительственные чиновники предлагали свои услуги командующему японскими войсками на архипелаге генералу Хомма. Уже 22 января 1942 г. к нему обратились с такого рода письмом 32 политических деятеля из Партии националистов, в том числе президент Филиппинской республики 1898 г. Агинальдо (см. /50, с.268; 117, с.70—71/).

Надо заметить, что коллаборационизм на Филиппинах (и вообще в Юго-Восточной Азии) был неоднозначным явлением, существенно отличавшимся от коллаборационизма в Европе, ибо здесь Япония в целях прикрытия своей экономической, политической и военной экспансии, как подчеркивает, в частности, Г.Ф.Ким, "взяла на вооружение естественную неприязнь азиатских народов к европейским колонизаторам. Именно под этим углом зрения следует рассматривать доктрину "паназиазма", главным элементом которой был расистский тезис о необходимости "единства желтой расы" в борьбе против "империализма белой расы" /41, с.15—16/. Выдвинув в 1938 г. программу установления "нового порядка" в Восточной Азии, японское правительство в 1940 г. официально объявило о желании создать "Великую восточноазиатскую сферу совместного процветания", которая простиралась бы от Маньчжурии до Новой Гвинеи и от Бенгальского залива до архипелагов Микронезии. "Ничто так не отдалено от истинных намерений Японии, — уверял министр иностранных

дел И.Мацуока, — как аннексия территорий, покорение или эксплуатация народов, населяющих эти районы, по примеру американской или европейских держав. Наоборот, Япония намерена освободить население всего этого района от оков империализма, подойти к нему с братской любовью и таким образом обеспечить благосуществование и общее благоденствие" (цит. по /83, с.287/).

Если в Европе коллаборационисты всегда были предателями своего народа, крайними реакционерами, то в марионеточных административных органах колониальных стран Юго-Восточной Азии оказались не только продажные политиканы, ставившие превыше всего интересы наживы и свои классовые привилегии, но и искренние националисты, наивно верившие в возможность обретения этими странами независимости при помощи Японии. Например, в Бирме было немало убежденных революционеров, которые отнюдь не питали симпатий к японским захватчикам, но полагали, что можно применить тактику временного союза с агрессивной милитаристской державой, чтобы заполучить оружие для борьбы против британского колониализма. На этот путь встал даже Аун Сан, который позднее говорил: "Так получилось, что мы пригласили японских захватчиков в Бирму, пригласили не в силу наших профашистских склонностей, а в силу собственных грубых просчетов" /29, с.241/. Подобные же просчеты допустили тогда многие деятели патриотического движения во всем регионе, лишь со временем осознавшие величайшую опасность своей ошибки. Наконец, в работе созданных японцами органов управления участвовали и антифашисты, стремившиеся использовать любые легальные возможности для организации сопротивления оккупантам.

Филиппинские политики — авторы письма от 22 января 1942 г. тоже руководствовались различными мотивами. Некоторые личности из верхушки Партии националистов, вроде М.Рохаса, С.Балуяота, Л.Гинго и др., еще до войны открыто симпатизировали милитаристской Японии. Их "идейная позиция", чуждая какого бы то ни было патриотизма, исчерпывалась заботой о сохранении своих высокооплачиваемых чиновничьих постов, поместий и т.д.

Коллаборационисты иного толка, выходцы из националистических буржуазно-помещичьих кругов, в частности Кларо Ректо и Хосе Лаурель, надеялись воспользоваться победой Японии для освобождения Филиппин от американского господства. Они считали, что ради этого стоит пойти на компромисс, лишь бы удержать административный аппарат в руках филиппинцев, пусть под японским контролем, от кото-

рого, как им казалось, рано или поздно можно было бы избавиться. Известно, что двое виднейших коллаборационистов этого типа — Х.Варгас и Х.Лаурель — накануне вступления японцев в Манилу были вызваны к президенту Кэсону, который якобы предложил им остаться в столице и сотрудничать с оккупантами в целях "защиты интересов филиппинского народа" (см. /127, с.288; 50, с.269/). "Для них сотрудничество с японцами было тактической уловкой, — утверждает Р.Константино. — Они видели в нем возможность достижения подлинной национальной независимости" /93, с.39/.

Среди коллаборационистов были и мелкобуржуазные радикалы, резко враждебные Партии националистов и при этом известные своими прояпонскими взглядами, которые объяснялись опять-таки иллюзиями по поводу "освободительной миссии" Японии. К их числу принадлежали генерал А.Рикардо, участник филиппино-американской войны 1899—1901 гг., проживший около 40 лет в эмиграции в Японии и вернувшийся на родину с японскими войсками, а также Б.Рамос, основатель партии "Сакдал", освобожденный японцами из манильской тюрьмы.

При формировании марионеточной администрации на Филиппинах оккупанты опирались главным образом на руководство Партии националистов. Они, безусловно, учитывали, что эта партия, поддерживаемая большей частью буржуазии и помещиков, была хорошо организованной силой, прочно "укоренившейся" еще в аппарате автономного правительства. Значительное число довоенных административных учреждений продолжало свою работу, основная масса филиппинских чиновников — как в столице, так и в провинциях — осталась на прежних местах.

23 января 1942 г. генерал Хомма подписал приказ о введении системы "гражданского управления". Был образован "консультативный государственный совет", куда вошли все 32 деятеля Партии националистов, днем ранее направившие письмо японскому командующему с предложением своих услуг. Одновременно началось создание "исполнительной комиссии", председателем которой был назначен Х.Варгас, бывший секретарь президента Кэсона, а членами — ряд известных политиков, участвовавших в автономном правительстве: Б.Акино, Х.Лаурель, К.Ректо, Х.Юло, Т.Сисон и др. К каждому из них для надзора было представлено по два японских "советника".

Японцы учредили шесть центральных департаментов — внутренних дел, финансов, юстиции, торговли и сельского хозяйства, просвещения, здравоохранения. Правом назначать их директоров формаль-

но был наделен председатель "исполнительной комиссии", но практически реализовать это право он не мог: генерал Хомма отверг присланный ему Варгасом на утверждение список кандидатур и "рекомендовал", чтобы департамент внутренних дел возглавил Х.Лаурель, а департамент юстиции — Т.Сисон (см. /110, с.108/).

Основной задачей "исполнительной комиссии" являлось, согласно приказу японского командования, "удовлетворение потребностей императорской армии". Филиппинская комиссия отвечала перед ним за поддержание порядка в городах, снабжение их водой и электроэнергией, обеспечение японских воинских частей транспортом в районе Большой Манилы, недопущение враждебных актов по отношению к японцам. Впоследствии сам Варгас заявлял, что благодаря деятельности "исполнительной комиссии" с полей убирался урожай, восстанавливались мосты, ремонтировались дороги, по которым перебрасывались японские войска (см. /100, с.216/). В свою очередь, оккупационные власти гарантировали всем сотрудничавшим с ними лицам "защиту их жизни и собственности".

Вскоре прежние филиппинские партии были запрещены и распущены, а вместо них в конце 1942 г. учреждена прояпонская политическая организация — "Общество служения новым Филиппинам" (по-тагалски сокращенно "Калибапи"). Его президентом стал тот же Х.Варгас, вице-президентом — Б.Акино, до войны член Партии националистов, занимавший высокие посты в автономном правительстве и известный своим антиамериканизмом. По планам оккупантов, Калибапи, функционируя под их контролем, должно было способствовать "поддержанию японской военной мощи" /93, с.78/. В одном из решений этой организации в качестве первоочередной ее задачи выдвигалось развитие сотрудничества с Японией (см. /105, с.101/). Калибапи, в которое были записаны все сотрудники марионеточного аппарата управления, предназначалось также для контроля за общественно-политической жизнью страны, имело вспомогательные женские и юношеские организации. По данным на 8 декабря 1943 г., в "Обществе служения новым Филиппинам" состояли около 792 тыс. человек (см. /105, с.101/).

Уже в первые недели после захвата архипелага японцы начали воссоздавать филиппинскую констабулерию. Ее отряды не уступали оккупантам в жестокости при проведении карательных акций против партизан, что называлось на языке марионеточной администрации "поддержанием порядка в тылу японской

армий" /124, с.58, 59/. Подразделения военизированной полиции формально оставались под командованием касиков. Как и в годы американского господства, помещикам было разрешено иметь при асьендах собственные наемные вооруженные отряды, чтобы держать в повиновении арендаторов и окрестных крестьян.

Политика экономического ограбления Филиппин и жестокий террористический режим военной диктатуры резко противоречили пропагандистским утверждениям о "расовой солидарности" Японии с "братьями-азиатами", подрывали ту не слишком прочную опору, которую "новый порядок" имел поначалу среди определенных слоев местного населения. "Даже у значительной части коллаборационистов, — пишет Р.Константино, — стали рассеиваться иллюзии относительно „альтруистских“ намерений японцев..." /93, с.40/.

Антияпонское движение Сопротивления представляло собой конгломерат сил, различных как по социальному составу, так и по политической ориентации, массовости, активности, материально-технической оснащенности (см. /50, с.294; 58, с.85; 54, с.217/). Инициатором борьбы против оккупантов выступила Коммунистическая партия Филиппин. На заседании 7—10 декабря 1941 г. ЦК КПФ утвердил меморандум, содержавший программу сплочения всех патриотических национальных сил в едином антияпонском фронте. Коммунисты обратились к президенту Кэсону, а также к правительству США и американскому командованию на архипелаге с предложением о сотрудничестве. Однако Кэсон и Макартур не ответили на этот призыв. Руководство КПФ самостоятельно приступило к созданию подпольных групп и центров сопротивления. В марте 1942 г. все организованные КПФ к этому времени партизанские отряды были объединены в Народную антияпонскую армию (Хукбалахап), куда вошли и крестьянские отряды самообороны, возникавшие в деревнях, Главнокомандующим Хукбалахап был назначен Луис Тарук, его заместителем — Касто Алехандро, оба видные деятели КПФ, руководившие до войны крестьянским движением.

В освобожденных силами Хукбалахап районах Центрального Лусона марионеточные органы управления распускались, новую администрацию возглавляли представители Народной антияпонской армии. Партизаны проводили здесь земельную реформу, конфискуя землю у помещиков, сотрудничавших с оккупантами. Те помещики, что оставались в деревнях, должны были подчиняться народным комитетам, следившим, в

частности, чтобы арендная плата не была чрезмерной (см. /50, с.283—284; 58, с.215; 73, с.60/).

В декабре 1944 — январе 1945 г. в двух провинциях Центрального Лусона, где Хукбалахап добилась особых успехов, ее командование образовало временную администрацию из представителей КПФ и Народной антияпонской армии. Губернаторами были назначены коммунисты К.Александрино (провинция Пампанга) и Хуан Фелео (провинция Нуэва Эсиха). В оккупированных провинциях Тарлак и Булакан муниципальные и сельские органы власти повстанцев действовали подпольно (см. /73, с.62/).

На Филиппинах, как и в большинстве стран Юго-Восточной Азии, массовой базой движения сопротивления было крестьянство. Борьба Хукбалахап против оккупантов и их прислужников имела, по оценке Г.И.Левинсона, "определенные черты крестьянской войны" /50, с.296/, что, несомненно, способствовало ослаблению патриархальных отношений между землевладельцами и арендаторами. Тем не менее приверженность вековым социальным связям, культивировавшимся испанскими и американскими колонизаторами, нередко проявлялась и в самой Народной антияпонской армии. Ее командованию приходилось заботиться о выработке правильных взаимоотношений между военачальниками и рядовыми бойцами, о преодолении некоторых традиций, пронизывавших общественную жизнь филиппинцев и создававших подчас опасность для партизанского движения. У.Помрой так пишет об этой проблеме: "В ходе борьбы хуков обнаружилось одно серьезное явление — развитие личной преданности бойцов отдельным выдающимся военным руководителям... верность не столько движению в целом, сколько определенному командиру, в результате чего люди послушно шли за ним и в его правильных действиях, и в ошибочных. Это случалось каждый раз, когда партийное руководство ослабевало или политическое просвещение было в упадке. Некоторые из подразделений приходилось по этой причине расформировывать и отправлять бойцов в разные отряды, чтобы выработать у них преданность принципам движения, а не отдельным личностям" (цит. по /50, с.281/).

Перед лицом все большего размаха вооруженной борьбы на архипелаге США испытывали растущие опасения насчет того, сумеют ли они восстановить там свое господство в прежнем виде, если филиппинцы сами покончат с японскими оккупантами до подхода американских войск. С весны 1943 г. специальные службы США начали забрасывать в районы дислокации партизанских отрядов своих эмиссаров, которые обе-

щали руководителям Сопротивления помощь оружием и деньгами, а всем его участникам — пенсии после войны при условии, что они дадут обязательство подчиняться только приказам американского командования, включая директиву Макартура: "Ни в коем случае не вступать в открытые боевые действия против японцев. Это время настанет, когда армия США высадится на филиппинском побережье" /107, с.161/. Соединившиеся на это отряды объявлялись составной частью вооруженных сил США на Дальнем Востоке (ЮСАФФЕ). В конце концов, играя на страхе некоторых буржуазно-помещичьих националистов перед активностью крестьян в антияпонской борьбе, используя обман и предательство, американскому командованию удалось взять под контроль и почти полностью парализовать большинство партизанских формирований на островах юга — Минданао, Лейте, Панай, Миндоро и др. (подробно см. /50, с.303—305/).

Иначе обстояли дела на Висайских островах — Себу, Негрос, и самом развитом — Лусоне, на севере, где политическое влияние Хукбалахап было столь сильно, что для его нейтрализации отряды ЮСАФФЕ под командованием американских инструкторов с начала 1944 г. развернули боевые операции против Народной антияпонской армии. Даже по признанию американских буржуазных исследователей, в течение всего этого года она была вынуждена вести две войны: "одну — против японцев, другую — против ЮСАФФЕ" /116, с.268/.

Стремясь обеспечить себе и после разгрома Японии прежние позиции на Филиппинах, США придавали также важное значение контактам с представителями высшего эшелона марионеточной администрации. С этой целью в Маниле с октября 1943 по февраль 1944 г. находился сотрудник американской разведки Крус. По возвращении он особо отметил в своем отчете "ценность информации", полученной им при встречах с Балуйотом, Юло и другими видными лицами, занятыми в прояпонском аппарате управления (см. /110, с.25/).

По мере того как американцы накапливали на Тихом океане силы для наступления и все явственнее обозначался перелом в общем ходе второй мировой войны, правящие круги Японии стали изыскивать новые средства для укрепления своего тыла в Юго-Восточной Азии. В январе 1943 г. японское министерство иностранных дел и верховное командование армии приняли совместное решение о провозглашении независимости Филиппин и Бирмы "по типу Маньчжоу-Го" (эти две страны были названы раньше других, ибо там, по сведениям Токио, антияпонское движе-

ние нарастало наиболее интенсивно). 28 января премьер-министр Японии Тодэио объявил в парламенте об этом решении и выразил надежду, что филиппинцы на деле продемонстрируют "ощутимые доказательства сотрудничества" (см. /83, с.311/).

В созданную приказом японского командования комиссию по подготовке независимости Филиппин, которую возглавил Лаурель — бывший министр юстиции в автономном правительстве, вошли некоторые ведущие представители помещичье-буржуазных кругов страны: Акино, Варгас, Мадригаль, Сисон и др. 4 сентября 1943 г. японское командование одобрило разработанную комиссией в соответствии с его директивами конституцию, состоявшую из преамбулы и 12 статей (см. /105, с.622—630/). Она предусматривала создание Национальной ассамблеи, в которой половина мест отводилась губернаторам и мэрам, а другая половина — депутатам, которых "избирало" правление партии Калибапи (см. /50, с.298; 83, с.313/). В "независимой" республике сохранялось полновластие командующего японскими оккупационными войсками, хотя формально должности "советников" при руководителях департаментов упразднились. Ассамблея, открывшаяся 25 сентября, выбрала президентом республики Хосе Лауреля, чью кандидатуру предложило японское командование. Сформированный Лаурелем кабинет включал в основном тех же лиц, что и "исполнительная комиссия" Варгаса.

14 октября 1943 г. в Маниле была провозглашена "независимость" Филиппин в "сфере совместного процветания". Однако ни к ослаблению антияпонской борьбы, ни к увеличению числа сторонников Японии это не привело: сколько бы японцы ни твердили о своей "освободительной миссии", всем было ясно, что они продолжают рассматривать Филиппины как стратегическую базу и источник снабжения. За неполных два года оккупанты ограбили страну, казнили десятки тысяч людей, возбудив против себя ненависть народа.

В тот же день Япония заключила с филиппинским "правительством" военный союз, рассчитывая, что факт вступления Филиппин в войну еще больше свяжет коллаборационистов, не позволит им вести двойную игру³. Но произошло обратное: марионеточный административный аппарат начал быстро разваливаться. Даже из военизированной полиции за следующий год дезертировало свыше 70% личного состава (см. /105, с.379/). Деморализация охватила и сотрудников манильских учреждений. Некоторые члены кабинета Лауреля (Акино, Балуйот, Рохас и др.) старались наладить связь с разведкой США. Рохас, которому

это удалось, стал передавать ей информацию (см. /100, с.250/). Коллаборационисты имели в виду не только "искупить вину" перед американскими хозяевами, но и уберечь себя от народного гнева: ведь фактически перед концом войны в стране существовало двоевластие, ибо на Центральном Лусоне господствовали отряды Хукбалахап.

Провозглашение независимости Филиппин и роль США в формировании национального государственного аппарата

20 октября 1944 г. американские войска под командованием Макартура высадились на о-ве Лейте, 9 января 1945 г. — на Лусоне, а в начале февраля взяли Манилу. Правящие круги США отнюдь не собирались пускать политическое развитие Филиппин на самотек. В комплексе мер, направленных на восстановление там американских позиций, главное место отводилось подрыву влияния Хукбалахап и реабилитации коллаборационистов. В результате, как отмечают советские исследователи, Филиппины стали "единственной страной в Юго-Восточной Азии, которая вышла из войны, приобретя более правое правительство, чем до войны" /58, с.320/.

Сразу же после высадки на Лейте Макартур официально заявил, что США "признают единственной законной властью на Филиппинах автономное правительство, подчиняющееся верховной власти Соединенных Штатов" (цит. по /54, с.218—219/).

Слова о подчинении верховной власти США не были случайными: тогдашний состав автономного правительства, как и деятельность его главы — Осменьи (занявшего этот пост после кончины Кэсона), не устраивал Вашингтон. После переезда в Манилу Осменья, реорганизовав кабинет, ввел в него многих последовательных борцов против японских захватчиков. Так, министром обороны был назначен командир крупного партизанского соединения Томас Кабили, решительно требовавший "чистки" государственного аппарата от коллаборационистов, а министром внутренних дел — руководитель партизан на о-ве Панай Томас Конфесор, вынашивавший план раздела помещичьих земель между арендаторами. Естественно, это вызвало крайнее недовольство Макартура и его приближенных, которые рассматривали Хукбалахап как основную силу, способную противодействовать замыслам США на архипелаге.

Еще перед высадкой на Филиппинах американские специальные службы представили военному командованию доклад, где высказывались серьезные опасе-

ния по поводу высокой боеспособности и организованности Хукбалахап, опиравшейся на широкую поддержку населения, и приводились "аргументы" в пользу "обезвреживания" этой армии, прежде всего из-за ее непримиримости к коллаборационистам. "Наши разведывательные данные, — говорилось в заключении доклада, — указывают, что Хукбалахап, по-видимому, будет являться трудной проблемой как во время реокупации, так, вероятно, и после этого" (цит. по /50, с.319/). На этих выводах и базировалась вероломная политика американских "освободителей" в отношении Народной антияпонской армии, которая, перерезав коммуникации в тылу противника, парализовав его связь и снабжение, обеспечила успех американского вторжения на Лусон. Но уже тогда во всех частях 6-й армии США имелся приказ "разоружать отряды Хукбалахап, как только минет надобность в их помощи" (см. /50, с.319/).

В феврале 1945 г. в Малолосе были разоружены 77-я и 97-я роты Хукбалахап, участвовавшие в боях по поддержке 6-й американской армии, их бойцы арестованы, а 109 человек предательски убиты (см. /73, с.62/). Подобным же образом удалось "нейтрализовать" около десятка рот Хукбалахап. Одновременно контрразведка Макартура арестовала главнокомандующего Л.Тарука, его заместителя К.Алехандро и еще пятерых высших командиров Народной антияпонской армии (в марте они были освобождены в результате массовых демонстраций протеста, организованных Коммунистической партией Филиппин).

Покровительствуемые американцами, в деревню возвращались помещики, в то время как партизаны и их сторонники (нередко просто подозреваемые лица) окарзались, по сути, вне закона. На них устраивали облавы, их дома сжигали, а их самих расстреливали без суда и следствия. Отряды Хукбалахап стали отходить в глубь Лусона, уклоняясь от встреч с американскими войсками.

Окончательный разгром японского милитаризма способствовал дальнейшему подъему национально-освободительного, антиимпериалистического движения в странах Азии. С осени 1945 г. активизировалась борьба левых сил и на Филиппинах. Во избежание социального взрыва американские власти были вынуждены пойти на уступку филиппинской общественности по самому кардинальному вопросу: предоставить стране независимость, поскольку истек определенный законом Тайдингса-Макдаффи десятилетний переходный период.

Но США вовсе не намеревались отказаться от экономического и военно-политического контроля над

Филиппинами, для чего требовалось укомплектовать их государственный аппарат "нужными" людьми. Американцы ориентировались на наиболее правые помещичье-буржуазные круги, на ту часть мерстной элиты, которая активно сотрудничала с японскими оккупантами. Поэтому одна из первоочередных задач Макартура заключалась в скорейшей реабилитации филиппинских коллаборационистов.

Если обратиться к спискам ведущих политиков и чиновников Филиппин предвоенной поры, то окажется, что, за редкими исключениями (Кэсон, Осменя, а также несколько погибших националистических деятелей), почти все они занимали в марионеточной прояпонской администрации посты, равноценные прежним. Было бы логично ожидать, что после разгрома Японии их настигнет возмездие. Однако этого не случилось.

Еще 23 ноября 1944 г., пять недель спустя после высадки американцев на Лейте, к филиппинскому народу обратился по радио Осменя, прочитавший речь, текст которой был составлен в Вашингтоне и одобрен военным министром США Стимсоном. "Некоторым государственным служащим, — говорилось в этой речи, — пришлось остаться на своих постах, чтобы сохранить некоторое подобие управления и по мере возможности защитить население от угнетателей... Ни при каких обстоятельствах ни одно лицо или группа лиц не должны брать правосудие в свои руки" (цит. по /50, с.314/).

Другой гарантией амнистии явилось восстановление многих коллаборационистов в их прежних функциях в системе автономного управления. Так, более половины сенаторов и около половины членов палаты представителей, собравшихся 9 июля 1944 г. по требованию Макартура на сессию филиппинского конгресса (созыва 1941 г.), сотрудничали с японцами. Рохас, вновь возглавивший сенат, утверждал в своем выступлении на сессии: "В этой палате нет ни марионеток, ни коллаборационистов... То обстоятельство, что люди служили при японцах, еще не является исчерпывающим доказательством их сотрудничества с врагом. Ни одного сенатора нельзя обвинить в таком сотрудничестве" (цит. по /16, с.91/).

Став председателем комиссии по назначениям, включавшей 12 сенаторов и 12 членов палаты представителей, Рохас получил решающий голос при подборе чиновников в высшие звенья административно-управленческого аппарата. Без санкции этой комиссии даже глава автономного правительства не мог утверждать те или иные кандидатуры (см. /16, с.80—

81/). Неудивительно, что еще до провозглашения независимости страны и до президентских выборов комиссии удалось добиться удаления из кабинета Т. Кабили и Т. Конфесора, переведенных в Вашингтон в качестве членов Филиппинской комиссии по восстановлению. За этим последовали другие "перетряски", после которых сохранил свой пост в правительстве с военных лет только министр финансов Х. Эрнандес. Из 11 членов Верховного суда пятеро, включая председателя, были коллаборационистами, а остальные, хотя и не служили японцам, "держались в рамках самого пассивного сопротивления" /16, с. 83/.

В общей сложности было возбуждено 5603 дела против коллаборационистов, 156 человек были приговорены к тюремному заключению, но впоследствии амнистированы решением филиппинского конгресса от 28 января 1948 г. Пытаясь объяснить мотивы такого "мягкосердечия", американский исследователь Д. Стейнберг пишет: "Оккупация толкнула Филиппины на грань радикальных социальных пертурбаций, период же сразу после ее окончания позволил обществу, уже тяжело травмированному войной, сделать выбор в пользу безопасности и стабильности, оставив неприкосновенной свою элиту" /122, с. 67/. Представляется, однако, что дело тут не в нежелании филиппинского общества посыпать раны солью. Коллаборационисты, ненавидимые и презираемые подавляющим большинством соотечественников, пошли бы под суд и были бы осуждены, если бы за них не заступились американцы, слишком боявшиеся, что в случае утраты олигархией ее позиций власть возьмут левые силы. По той же причине США грубо вмешались в ход президентских выборов и в процесс формирования правительства независимых Филиппин.

В беседе с американским сенатором Тайдингсом, находившимся в Маниле в мае 1945 г., Макартур заявил: "Обстановка на Филиппинах требует энергичных действий. Правительство Осменьи медлительно и не способно справиться с положением. Филиппины нуждаются в твердом руководстве, в человеке действия, в „сильной руке“" (цит. по /16, с. 77/). Такого "сильного человека" Макартур нашел в лице Рохаса — одного из правых лидеров Партии националистов, представителя наиболее реакционного крыла помещичье-буржуазной клики. Примечательны этапы его политической биографии: будучи членом автономного правительства Кэсона, он откровенно называл себя поклонником Муссолини, в годы японской оккупации занимал министерский пост в правительстве Лауреля. Хотя Рохас скомпрометировал себя в

глазах общественности как коллаборационист, именно на него сделали ставку американцы.

Фактически пропагандистская кампания за избрание Рохаса на пост президента началась в середине 1945 г., хотя официально его кандидатура была выдвинута лишь в январе 1946 г. Не довольствуясь поддержкой имущих слоев, реакционеры всячески пытались привлечь голоса крестьян и рабочих. В этом деле Рохас проявил себя как совершенно беззащитный демагог. Например, одну из своих газет он назвал "Герилья" ("Партизанская война") и на ее страницах изображал себя "соратником" героев антияпонского подполья. Выступая в филиппинском конгрессе, Рохас без тени смущения заявил: "Ни один человек, в военном ли мундире, или в штатской одежде, не воевал на большем количестве фронтов, чем я... Мануэль Рохас был вождем, единственным вождем движения сопротивления на Филиппинах" (цит. по /16, с. 89/). На собраниях крестьян он обещал провести аграрную реформу, а в беседах с помещиками — "железной рукой" подавить крестьянское движение, перед народом именовал себя "антифашистом", а перед бизнесменами клялся "спасти страну от хаоса, разложения и коммунизма" (см. /50, с. 361/).

Избирательная коалиция, выступавшая против Рохаса, представляла собой блок трех политических сил — Партии националистов, Демократического альянса и Коммунистической партии, которая, хотя и вошла в Демократический альянс, сохранила полную идейно-политическую и организационную самостоятельность. Первоначально в руководстве компартии не было единства по вопросу о предвыборной тактике. Некоторые лидеры КПФ возражали против коалиции с Партией националистов и поддержки Осменьи, не делая никакого различия между ним и Рохасом, предлагали выставить от Демократического альянса самостоятельного кандидата на пост президента. В конце концов возобладало все же мнение о необходимости действовать совместно с группировкой Осменьи, за которым шли патриотические буржуазные и мелкобуржуазные слои, пользовавшиеся влиянием в рабоче-крестьянских массах.

В январе 1946 г., после вступления Осменьи в коалицию с Демократическим альянсом, группировка Рохаса порвала с Партией националистов, образовав новую партию — Либеральную, к которой присоединились большинство профессиональных политиков — бывших членов Партии националистов. Либералы получили поддержку помещиков-касиков, "большого бизнеса", бюрократии. С Осменьей остались либерально-реформистские деятели Партии националистов, выра-

жавшие интересы главным образом средней и мелкой национальной буржуазии. Так было положено начало функционированию на Филиппинах двухпартийной системы, отчасти напоминавшей американский "образец"⁴.

При подлинно демократических условиях выборов левый блок, программа которого привлекала широкие народные массы, мог бы рассчитывать на успех. Однако реакционная группировка Рохаса, пользуясь практически неограниченной поддержкой США, в том числе и финансовой, довела до пароксизма кампанию террора против демократических сил. "Лагерь Рохаса все смелее применял свои методы, от которых пахло фашизмом. Деньги, предназначенные для "замазывания ртов", лились рекой. Шайки хулиганов ходили от одного газетного киоска к другому, скупали все экземпляры либеральной газеты "Филиппин пресс", которую издавали деятели движения сопротивления, и на глазах у перепуганных газетчиков разрывали их на клочки" /16, с.213/.

США, не раз заявлявшие о своем "нейтралитете" в ходе выборов, давали понять филиппинцам, что только победа Рохаса обеспечит им широкую американскую "помощь". Эти, с позволения сказать, намеки подкреплялись присутствием на архипелаге войск США, численность которых составляла на 1 января 1946 г. около 280 тыс. (см. /16, с.142/). В середине января 86-я пехотная дивизия "Черный ястреб" была приведена в боевую готовность и переброшена в центральные районы Лусона — главный очаг демократического движения. В интервью корреспонденту американской газеты "Дейли пасифик" начальник штаба дивизии признал, что эти действия связаны с предстоящими выборами и имеют целью "справиться с беспорядками, которые могут возникнуть в результате нынешнего политического кризиса на Филиппинах" (см. /50, с.128, 360/).

К началу выборов американские власти передали филиппинским военным формированиям самолеты, автомобили, 10 тыс. пулеметов и другое снаряжение (см. /50, с.361/). Более 80% офицерского корпуса армии и около 70% военных полицейских составляли коллаборационисты, ранее служившие в японских карательных отрядах (см. /50, с.330; 16, с.131/). Министр национальной обороны Альфредо Монтелибано угрожал: "Правительство объявляет открытую войну всем нарушителям закона. Я не потерплю никаких безобразий" (цит. по /16, с.130/).

В 32 из 51 провинции страны филиппинская военная полиция, сменив американскую (в лагерях которой она прошла подготовку), активно включилась

в "предвыборную борьбу". В провинции Тарлак она совершила налеты на собрания крестьян, выбравших делегатов на провинциальный съезд Демократического альянса; несколько человек получили ранения, десятки были арестованы. Примерно то же самое происходило и в других провинциях. В день голосования, 23 апреля 1946 г., самолеты воензированной полиции на бреющем полете кружили над городами и деревнями, а танки "патрулировали" у избирательных пунктов. В ряде районов полицейские не допускали к урнам людей; известных как сторонники Осменьи. Несколько лидеров Демократического альянса были убиты (см. /50, с.362/). Рохасовцы не брезговали принимать услуги даже от главарей уголовного мира. Так, "король" манильских гангстеров Салонга со своими подручными "содействовал" им в провинции Нуэва-Эсиха. Где не помогал террор, шла в ход фальсификация. В провинции Капис, на родине Рохаса, "голосовавших" оказалось почти на 3 тыс. больше, чем зарегистрированных избирателей (см. /50, с.363; 16, с.20/).

Рохасу удалось победить. Но эта добытая бесчестными средствами победа была далеко не блестящей: он собрал лишь немногим более половины голосов — 54% (1333 тыс. против 1130 тыс. за Осменью).

28 мая 1946 г. Рохас официально вступил в должность президента. Вице-президентом и министром финансов стал Э.Кирино, активно сотрудничавший в годы войны с прояпонской марионеточной администрацией. В правительство вошли Р.Осаэта (министр юстиции) и П.Магсали (министр труда), также служившие японцам, М.Гальего (министр просвещения) и А.Вильярама (министр здравоохранения), занимавшиеся при оккупантах крупными спекуляциями, Р.Канглеон (министр обороны) — "представитель партизан", в действительности работавший во время войны на о-ве Лейте с американскими разведчиками из ЮСАФФЕ.

Характеризуя состав кабинета, сформированного Рохасом, Э.Абайя с гневом и горечью писал: "Квислинги — люди, предавшие народ, который избрал их своими вождями, — продались врагу. Потом вернулись американцы, и квислинги первыми прибежали к ним с поклоном и со слезами на глазах приветствовали тех, кого еще недавно проклинали за то, что они во второй раз превратили Филиппины в поле битвы. А сегодня многие из этих квислингов снова у власти и настойчиво стремятся захватить в свои руки государственный аппарат, задушить народ политически и экономически, сковать его цепями фео-

дальних порядков. За квислингами стоят силы отечественной и иностранной реакции" /16, с.32-33/.

Опираясь на штыки 23 тыс. военизированных полицейских, поддерживавших его на выборах, и 40 тыс. солдат регулярной филиппинской армии, вооруженных американским оружием, Рохас провозгласил политику "бронированного кулака" по отношению к "мятежному" крестьянству и обещал за шесть месяцев покончить с главным, по его мнению, нарушителем законности — Хукбалахап (см. /16, с.251; 73, с.64/). Одновременно Рохас старался устранить из государственного аппарата неугодных ему лиц. Пойдя на откровенную махинацию, он объявил недействительными мандаты троих сенаторов — членов Партии националистов и восьми конгрессменов (в том числе всех депутатов, избранных по списку Демократического альянса). Одновременно, чтобы обеспечить себе надежное парламентское большинство, он провел через конгресс постановление о том, что не могут быть лишены своих мест депутаты, находящиеся под следствием за предательство (т.е. его единомышленники-коллорационисты).

В день провозглашения независимости страны, 4 июля 1946 г.⁵, Рохас подписал договор об основах взаимоотношений между США и Филиппинами, подтверждавший передачу американцами суверенитета над архипелагом правительству республики. Вместе с тем в договоре говорилось, что Филиппины принимают на себя все долги и обязательства американской колониальной администрации, на их территории остаются военные базы США, относительно статуса которых должно быть в двухлетний срок выработано особое соглашение. В марте 1947 г. их было подписано целых два. Одно (о базах) предоставляло в пользование США на 99 лет 23 земельных участка, другое (о военной помощи) ставило вооруженные силы страны под полный контроль американских военных советников. Заключенное одновременно с упомянутым выше договором филиппино-американское соглашение о торговле обеспечивало монополиям США неприкосновенность их позиций в экономике бывшей колонии.

К власти в суверенной Республике Филиппины пришел реакционный блок крупных помещиков и буржуазии, готовых выполнять те условия, которые диктовали им Соединенные Штаты. Из "эксперимента" неоколониализм превратился в повседневную практику ведущей империалистической державы, а затем и ее западных партнеров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование процесса формирования административно-управленческого аппарата на Филиппинах в 1901—1946 гг. не только помогает вскрыть исторические корни некоторых особенностей современной эволюции филиппинского общества, но и проливает дополнительный свет на ситуацию в освободившихся странах Азии и Африки, где "политически лидирующая национальная буржуазия и другие эксплуататорские классы и группы практически сохранили сложившийся еще в колониальный период административный аппарат и организационную структуру власти" /57, с.18/.

Капиталистическое развитие Филиппин после обретения ими независимости шло неровно, что в значительной степени объяснялось наличием государственно-политических институтов, созданных во времена прямого американского господства на архипелаге, по существу, "интегрированных" в формирующуюся надстройку постколониального общества и остававшихся неизменными до 1972 г. Государственное устройство по "модели" США (президентская форма правления, двухпалатный конгресс в качестве высшего законодательного органа, двухпартийная система, выборы президента каждые четыре года), весь административный механизм, навязанные метрополией ради обеспечения своих позиций на архипелаге, не соответствовали социально-экономическому базису страны, тормозили ее прогресс. Их неэффективность явилась одной из причин, побудивших президента Ф.Маркоса ввести в 1972 г. чрезвычайное положение и под лозунгом строительства "нового общества" приступить к реформам, направленным на ускорение капиталистической трансформации Филиппин.

Переход к авторитарному правлению сопровождался важными изменениями в надстройке. Была отстранена от главных рычагов власти старая олигархия, сложилась новая правящая элита, выражающая интересы национальной буржуазии, в первую очередь ее верхнего слоя — крупных промышленников и финансистов. Но ни Ф.Маркос (в конце концов дискредитировавший себя жестоким подавлением всякой оппозиции и склонностью к личному обогащению), ни от-

теснившая его в 1986 г. с президентского поста К.Акино (которую едва ли можно считать представительницей принципиально иных классовых сил), не осуществили коренную ломку административно-управленческой машины.

По сей день чиновничество страны в социально-психологическом плане демонстрирует стойкую приверженность традиционным нормам и стереотипам "бюрократического поведения", основанного на системе личных взаимоотношений типа "патрон — клиент", со свойственным ей фаворитизмом, патронажем, семейственностью. По данным филиппинских исследователей (см., например, /84, с.165/), значительную часть административного персонала (в некоторых манильских ведомствах — до 30%) составляют выходцы из провинций, откуда родом и руководители соответствующих департаментов, что создает благоприятную почву для процветания в чиновничьей среде консерватизма, рутинерства, nepотизма и т.д. В результате замедляются темпы и снижается эффективность реализации государственных программ.

Если в гражданских учреждениях все еще преобладают чиновники традиционного, колониального, типа, то в армии регулярно проводились тотальные "чистки" и среди высшего, и среди младшего командного состава — не столько ради повышения качественного уровня офицерских кадров, сколько ради обеспечения лояльности вооруженных сил правящему режиму. С 1972 г. возрастает традиционная роль армии как инструмента насилия, но у нее появляются и "невоенные" функции. Армейские чины зачастую привлекаются к руководству выполнением тех или иных правительственных программ, к решению политико-административных вопросов. Отметим, что независимо от принятия в 1973 и 1987 гг. новых конституций сохранена американская структура управления вооруженными силами. Пересмотр статуса военных баз США или их ликвидация пока отложены. Значительное число старших офицеров национальной армии получают образование в Соединенных Штатах. Все это позволяет Вашингтону рассматривать такую важную категорию филиппинского чиновничества, как военные кадры, в качестве проводника своего влияния в стране, где события с начала 1986 г. развиваются весьма бурно: маркосовские реформы, приведшие в большее соответствие базис и надстройку, лишь ненадолго ослабили накал социального недовольства. Почва для него сохраняется и при новом режиме; его порождают острейшие социальные проблемы и противоречия, кардинальное решение которых на капиталистическом пути невозможно.

Современные неокolonизаторы, в данном случае прежде всего американские, стремятся, опираясь на проимпериалистические элементы в государственном аппарате Филиппин, затормозить и без того сложный процесс достижения страной экономической и внешнеполитической самостоятельности. Таким образом, вопросы, рассмотренные в этой работе, сохраняют немалую актуальность и в наши дни.

Глава I

¹ Глубокая характеристика деятельности Мабини, а также анализ эволюции его взглядов (от умеренного реформатора до идеолога левых демократических сил) даны в исследованиях советских ученых /36; 53/.

² Формально филиппинскую делегацию на переговорах возглавлял полковник Мануэль Аргуэльес, но на выработку ее тактики огромное влияние оказывал Аполинарио Мабини.

³ В конце 1899 г. правительственный совет Филиппин принял решение перейти с ноября 1899 г. к партизанским формам ведения боевых действий против американских войск.

⁴ Американские власти объявили о введении в мусульманских районах военного правления в 1903 г. На территории островов Сулу и Минданао была создана особая "Провинция море" во главе с военным губернатором. Как и в христианских районах страны, карательные методы сочетались здесь с политической уступкой феодальной знати — политикой, получившей дальнейшее развитие с отменой в 1913 г. прямого военного правления. "Провинция море" была упразднена, ее территория, поделенная на семь провинций, перешла под контроль гражданской администрации, функционировавшей на общих основаниях.

⁵ Несколько баррио, некогда именовавшихся барангаями, составляют муниципалитет (до 1896 г. — "пуэбло").

Глава II

¹ Заметим для сравнения, что в "классических" колониях Великобритании (Индия, Бирма, Малайя) и Нидерландов (Индонезия) местные национальные чиновничьи кадры составляли меньшинство в аппарате "гражданской службы" (см. /38, с.408/).

² Мануэль Кэсон родился в 1878 г. в семье учителя. К 1899 г. в рядах республиканской армии дослужился до звания майора, после американо-филиппинской войны занимался адвокатской практикой, был провинциальным прокурором, затем губернатором провинции Таябаса. В 1909—1916 гг. — резидент-комиссар (постоянный представитель) Филиппин при американском конгрессе. С 1917 г. он являлся председателем сената филиппинского Законодательного собрания, будучи до

середины 20-х годов вторым лицом — после Осмены — в руководстве Партии националистов (см. /50, с.91—93/).

Глава III

¹ Лишь за четыре месяца до нападения Японии на Пёрл-Харбор США, осознав провал своей политики "дальневосточного Мюнхена", стали поспешно увеличивать контингент филиппино-американских войск на архипелаге, минировать Манильскую бухту и залив Субик. Но эти лихорадочные приготовления оказались недостаточными для того, чтобы отразить японское вторжение на Филиппины.

² По данным исследований, проведенных Институтом военной истории Министерства обороны СССР, только для захвата Филиппин, Малайи, Бирмы и Индонезии японское командование выделило четыре полевые армии общей численностью 222—232 тыс. человек, поддержанные 610 самолетами ВВС, а также группой ВМФ в составе 10 авианосцев с 575 самолетами на борту, четырех линкоров, 35 крейсеров, 51 подводной лодки и т.д. (см. /84а, с.191/).

³ С аналогичной целью японцы вывезли в Токио под видом "стипендиатов", а фактически в качестве заложников детей Варгаса, Лауреля, Акино и др. (см. /110, с.124/).

⁴ Двухпартийная система возникла на Филиппинах еще в начале XX в., но фактически Партия националистов с тех пор доминировала. Соперничающие партии, появившиеся в преддверии очередных выборов, намного уступали ей и быстро прекращали свое существование.

⁵ До начала 70-х годов День независимости Филиппин отмечался, как и в США, 4 июля, а затем был перенесен на 12 июня — в память о провозглашении Филиппинской республики 1898 г.

1. Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции. — Т.1*.
2. Маркс К. Лассаль. — Т.6.
3. Маркс К. Маркс — Энгельсу, 25 сентября 1857 г. — Т.29.
4. Ленин В.И. Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов? — Т.1.
5. Ленин В.И. Войско и революция. — Т.12.
6. Ленин В.И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции. — Т.17.
7. Ленин В.И. Пробуждение Азии. — Т.23.
8. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Т.27.
9. Ленин В.И. Тетради по империализму. — Т.28.
10. Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года. — Т.30.
11. Ленин В.И. Империализм и раскол социализма. — Т.30.
12. Ленин В.И. Один из коренных вопросов революции. — Т.34.
13. Ленин В.И. Ценные признания Питирима Сорокина. — Т.37.
14. Ленин В.И. Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря 1920 г. — Т.42.
15. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986.
16. Абайя Э. Предательство на Филиппинах. М., 1948.
17. Абайя Э. Нерассказанная история Филиппин. М., 1970.
18. Ажгибкова Г. Американский интернационалист, певец Октября. — Коммунист. 1978, № 11.
19. Аршипов В.Я. Внешнеэкономические связи Филиппин. М., 1984.
20. Баршников О.Г. Филиппинская национальная буржуазия в борьбе за независимую внешнюю торговлю. М., 1962.
21. Баршников О.Г. Сельское хозяйство Филиппин. Генезис и развитие капитализма. М., 1972.
22. Баршников О.Г., Жулев И.Ф. Филиппины. М., 1975.
23. Беленький А.Б. Национальное пробуждение Индонезии. М., 1965.
24. Богданов Р.Г. США: военная машина и политика. М., 1983.
25. Брутенц К.Н. Новая форма порабощения народов. М., 1969.
26. Брутенц К.Н. Современные национально-освободительные революции. М., 1974.
27. Брутенц К.Н. Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979.
28. Брутенц К.Н. Освободившиеся страны в начале 80-х годов. — Коммунист. 1983, № 3.
29. Васильев В.Ф. Очерки истории Бирмы. 1885—1947. М., 1962.
30. Васильев В.Ф. Бирма на новых рубежах. М., 1965.
31. Васильев В.Ф. Рабочий класс Бирмы. Формирование и развитие промышленного пролетариата (1870—1970). М., 1978.
32. Великий Октябрь и народы Востока. М., 1957.
33. Восток: рубеж 80-х годов. Освободившиеся страны в современном мире. М., 1983.
34. Гафуров Б.Г. Актуальные проблемы современного национально-освободительного движения. М., 1976.
35. Грамшико Анат. А. Внешняя политика США: уроки и действительность. 60—70-е годы. М., 1978.
36. Губер А.А. Филиппинская республика 1898 года и американский империализм. М., 1961.
37. Жулев И.Ф. Рабочий класс Филиппин: формирование и положение (начало XX в. — 70-е годы). М., 1975.
38. Зарубежный Восток и современность. Т.1. М., 1974.
39. Иванян Э.И. Белый дом: президенты и политика. М., 1979.
40. Ильинской И.Н., Машин А.А., Энтин Л.М. Политическая система современного капитализма. М., 1983.
41. Ким Г.Ф. От национального освобождения к социальному. М., 1982.
42. Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана. М., 1960.
43. Конституция Филиппин. — Конституции буржуазных стран. Т.IV. М., 1936.
44. Котляров В.С. США и Бирма: американская стратегия и политика. М., 1970.
45. Кутюмова Е.А. США и Индонезия: проблемы взаимоотношений (1969—1979). М., 1981.
46. Левинсон Г.И. Рабочее движение на Филиппинах. М., 1957.
47. Левинсон Г.И. Филиппины между первой и второй мировыми войнами. М., 1958.
48. Левинсон Г.И. Колониальная политика западных держав в Юго-Восточной Азии в свете русских архивных источников. М., 1960.
49. Левинсон Г.И. О характере движения "филиппинцы прежде всего". М., 1960.
50. Левинсон Г.И. Филиппины на пути к независимости. М., 1972.
51. Левковский А.И. Социальная структура развивающихся стран. Проблемы многоукладного переходного общества. М., 1978.
52. Левтонова Ю.О. Очерки новой истории Филиппин (60-е годы XVIII в. — 60-е годы XIX в.). М., 1965.
53. Левтонова Ю.О. История общественной мысли на Филиппинах. М., 1973.
54. Левтонова Ю.О. История Филиппин. Краткий очерк. М., 1979.
55. Левтонова Ю.О. Эволюция политической системы современных Филиппин. М., 1985.

* Указаны тома 2-го изд. Сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса, Полного собрания сочинений В.И.Ленина.

56. Л. В. Ф. Стратегия и политика неокOLONиализма США. М., 1971.
57. Л. В. Ф. Социальная революция и власть в странах Востока. М., 1984.
58. Мохейко И. В. "Западный ветер — ясная погода": Юго-Восточная Азия во второй мировой войне. М., 1984.
59. Общество, элита и бюрократия в развивающихся странах Востока. Кн. II. М., 1974.
60. Перло В. Американский империализм. М., 1951.
61. Подберезский И. В. Сампагита, крест и доллар. М., 1974.
62. Подберезский И. В. Филиппины: поиски самобытности. М., 1984.
63. Политика США в Азии. М., 1977.
64. Памрой У. Становление американского неокOLONиализма. М., 1973.
65. Примаков Е. М. Восток после краха колониальной системы. М., 1982.
66. Руднев В. С. Малайзия и Сингапур после второй мировой войны и политика США и Англии. М., 1981.
67. Савельев Н. А. Американский капитал на Филиппинах. М., 1960.
68. Севортьян Р. Э. Армия в политическом режиме стран современного Востока. М., 1973.
69. Симония Н. А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
70. Симония Н. А. Борьба за национальное и социальное освобождение — неотъемлемое право народов. — Международная жизнь. 1984, № 2.
71. США и проблемы Тихого океана. М., 1979.
72. США и развивающиеся страны. 70-е годы. М., 1981.
73. Тайван Л. Л. Крестьянские восстания на Филиппинах в XX веке. М., 1980.
74. Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики. М.-Л., 1965.
75. Тихвинский С. Л. Сунь Ят-сен и вопросы солидарности народов в борьбе с колониализмом. М., 1963.
76. Трофименко Г. А. США: политика, война и идеология. М., 1976.
77. Ульяновский Р. А. НеокOLONиализм США и слаборазвитые страны Азии. М., 1963.
78. Фарамазян Р. А. Военная экономика американского империализма. М., 1983.
79. Филиппины. Справочник. М., 1979.
80. Фостер У. Очерк политической истории Америки. М., 1955.
81. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
82. Энтин Л. М. Политические системы развивающихся стран: государство и политические партии в странах Азии и Африки. М., 1978.
83. Юго-Восточная Азия в мировой истории. М., 1977.
84. Юго-Восточная Азия: современное политическое развитие. М., 1984.

- 84а. Японский милитаризм. Военно-историческое исследование. Отв. ред. Е. М. Жуков. М., 1972.
85. Abueva J. Focus on the Barrio. Manila, 1959.
86. Abueva J. Foundation and Dynamics of Filipino Government and Politics. Manila, 1969.
87. Agoncillo T. History of the Filipino People. Queson City, 1977.
88. Alip E. Political and Cultural History of the Philippines. Manila, 1950.
89. Anderson W. The Philippine Problem. N.Y., 1939.
90. Barrows D. History of the Philippine. N.Y., 1926.
91. Cameron F. The Philippine Islands. Massachusetts, 1945.
92. Constantino R. The Philippines: a Past Revisited. Manila, 1975.
93. Constantino R. The Philippines: the Continuing Past. Manila, 1978.
94. Corpuz O. The Philippines: the Modern Nations in Historical Perspective. New Jersey, 1965.
95. Corpuz O. Evolution of the Bureaucracy of the Philippines. — Foundation and Dynamics of Filipino Government and Politics. Manila, 1969.
96. Corpuz O. Cultural Foundations. — Foundation and Dynamics of Filipino Government and Politics. Manila, 1969.
97. Curry R. Woodrow Wilson and Far Eastern Policy, 1913 — 1921. N.Y., 1957.
98. Fernando E. (ed.). The Constitution of the Philippines. N.Y., 1974.
99. Forbes-Lindsay J. The Philippines under Spanish and American Rules. Philadelphia, 1906.
100. Friend T. Between Two Empires: the Ordeal of the Philippines. Yale University Press, 1965.
101. Goettel E. Eagle of the Philippines President Manuel Queson. N.Y., 1970.
102. Golay F. The United States and the Philippines. New Jersey, 1966.
103. Graff H. (ed.). American Imperialism and the Philippine Insurrection. Testimony Taken from the Hearings on Affairs in the Philippine Islands before US Congress, Senate Committee on the Philippines, 1902. Boston, 1969.
104. Harrison F. The Corner-Stone of Philippine Independence. N.Y., 1929.
105. Hartendorp A. (ed.). The Japanese Occupation of the Philippines. Vol. II. Manila, 1967.
106. Hayden J. The Philippine Policy of the United States. N.Y., 1939.
107. Ingham J. Rendezvous by Submarine. N.Y., 1945.
108. Kerkvliet B. Peasant Rebellion in the Philippines: the Origins and Growth of the H.M.B. Wisconsin, 1975.
109. Landé C. Leaders, Factions and Parties. The Structure of the Philippine Politics. Yale University, 1964.

110. *Malay A.* Occupied Philippines: the Role of Jorge Vargas during the Japanese Occupation. Manila, 1967.
111. *March A.* The History and Conquest of the Philippines and our Other Islands Possessions. N.Y., 1971.
112. *May G.* Social Engineering in the Philippines: the Aims, Execution and Impact of American Colonial Policy, 1900 — 1913. Connecticut, 1980.
113. *Miller F.* General Douglas Macarthur Fighter for Freedom. Philadelphia, 1945.
114. *Miller S.* "Benevolent Assimilation". The American Conquest of the Philippines, 1889 — 1903. Yale University Press, 1982.
115. *Osmenja S.* The Constitutional Development of the Philippine Autonomy. Manila, 1924.
116. *Payne R.* The Revolt of Asia. N.Y., 1947.
117. *Recto C.* Three Years of Enemy Occupation: the Issue of Political Collaboration in the Philippines. Manila, 1946.
118. *Rivers J.* The Congress of the Philippines. A Study of It's Functions and Powers and Procedures. Manila, 1962.
119. *Roosevelt F.* The Public Papers and Adresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. I — V. N.Y., 1938.
120. Roosevelt Speaks. Four Speeches by President Roosevelt. London — Bombay — Melbourn, 1941.
121. *Salamanka B.* The Filipino Reaction to American Rule. The Shoe String Press, USA, 1968.
122. Southeast Asia in World War II. Four Essays. Yale, 1966.
123. *Stanley P.* A Nation in the Making. The Philippines and the United States, 1899 — 1924. Cambridge, 1974.
124. *Steinberg D. (ed.).* Philippine Collaboration in World War II. Manila, 1967.
125. *Taylor G.* The Philippines and the U.S.: Problems of Partnership. N.Y., 1964.
126. *Taylor J.* The Philippine Insurrection against the U.S. Vol. IV. Pasay City, 1971.
127. *Toland J.* The Rising Sun. N.Y., 1970.
128. *Walsh J.* The Philippine Insurrection 1899 — 1902. America's Only Try for an Overseas Empire. N.Y., 1973.
129. *Warchester D.* The Philippines: Past and Present. N.Y., 1930.
130. *Welch R.* Response to Imperialism: the United States and the Philippine-American War 1899 — 1902. The University of North Carolina Press, 1979.
131. *Zaide G.* Philippine Government: Development, Organization and Functions. Manila, 1960.
132. Азия и Африка сегодня. М.
133. За рубежом. М.
134. Международная жизнь. М.
135. Мировая экономика и международные отношения. М.
136. Правда. М.
137. США: экономика, политика, идеология. М.

SUMMARY

A.D. Vinogradov. *The USA and the Philippines: First Results of Neocolonial Policy in Asia (1901-46)*. The Philippines, the US colony since 1901, was turned by the United States into a colonial "laboratory" of sorts not only to modify the classic, but also develop new methods of colonial rule. The latter added to American colonialism certain specific features which can be characterized as neocolonial techniques.

The monograph analyzes the evolution of the structure of the administration and management in the Philippines, set up by the US colonial authorities which retained up until 1972 the structural and functional features similar to the US state and political institutions. The activity of first American commissions on the archipelago (Schurman's and Taft's), laws passed by the US Congress on administering the Philippines, the policy of Filipinization and, then, proclaiming the Philippines' territorial autonomy by the United States had a direct influence on the evolution of the structure of administration and management in the colonial Philippines (its socio-class makeup, structural composition, functional features, Filipino to American civil servants ratio, etc.).

From the start of the US colonial rule in the Philippines a series of formulas had been built which later turned into propaganda catch-phrases: "special relations" between the parent country and the colony, a "messianic", "liberal civilizing" mission of the United States in the Philippines, etc. Essentially, however, the American strategy towards the Philippines was to get entrenched here socially and politically, to channel its social and political development into what the Americans regarded as most convenient and familiar direction, specifically, importing ready-made forms of the political organization of society and integrating the Filipinos into the system of American social, political, cultural and spiritual values. For instance, organizing the education system the US viewed local student youth as a potential reserve for further recruiting the Filipino section of colonial administration. By introducing English as a universal language and sending Filipino youth to US colleges, the Americans tried to shape a new and pro-American Filipino intelligentsia.

The so-called cultural Americanization was paralled by the incessant Filipinization of the local structure of

administration and management. The process involved former Spanish civil servants and also most active training, at US and local colleges, of a corpus of native civil servants strongly oriented towards the United States. In this domain, the US policy substantially differed from that of previous parent countries. Whereas in British colonies (India, Malaya, Burma) even on the eve of their independence the number of British officials had not been changed in favour of local civil servants, in the Philippines already in 1921 the Americans were obliged to trim down the number of US civil servants and expand the number of local civil servants. Naturally, the Filipino officials were controlled from the United States. Final decision-making was exclusively retained by the US authorities.

Ongoing evolution of administration and management, its growing differentiation and specialization, and quantitative growth of local managerial personnel resulting from the Filipinization policy, inevitably brought into management evermore people from both the elite and broader most different social groups (petty bourgeoisie, middle urban strata, etc.). However, the top echelon of local bureaucracy was exclusively recruited from Filipino elite groups which by 1946 formed the kernel of the ruling elite.

Even today, as the Conclusion notes, the structure of administration and management in the Philippines retains the inertia of the bureaucratic tradition of the colonial epoch. This manifests itself not only in the hold over conservative, elitarian social mentality of civil servants and the traditional relations of the patron-client type, but also in the balance of forces in the midst of modern Filipino bureaucracy which is in favour of the officials of a traditional, colonial type who usually confront new trends in administration. This circumstance impedes growth of efficiency of the Philippines' state apparatus, stands in the way of many government plans and intensifies social tensions.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Становление колониальной административно-управленческой системы на Филиппинах (1901—1913)	7
Роль комиссий Шермана и Тафта в создании социально-политической базы американского господства	11
Органический закон и процесс формирования управленческой системы колониальных Филиппин	19
Глава II. Политика "филиппинизации" административно-управленческого аппарата (1913—1935)	30
Закон Джонса (Второй органический закон) и процесс "филиппинизации" (1913—1921)	30
Политика США на Филиппинах при республиканской администрации (1921—1932)	39
Провозглашение автономии и принятие конституции (1933—1935)	44
Глава III. Особенности эволюции административно-управленческого аппарата Филиппин в период с 1935 по 1946 г.	50
Формирование управленческого аппарата автономных Филиппин (1935—1940)	50
Административный аппарат в период японской оккупации (1941—1945)	58
Провозглашение независимости Филиппин и роль США в формировании национального государственного аппарата	67
Заключение	75
Примечания	78
Литература	80
Summary	85

Александр Дмитриевич Виноградов

США И ФИЛИППИНЫ:
О ПЕРВОМ ОПЫТЕ
НЕОКОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В АЗИИ
(1901 – 1946)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *А.С.Трясунов*
Младший редактор *Л.А.Минина*
Художник *А.П.Дегтярев*
Художественный редактор *Б.Л.Резников*
Технический редактор *Л.Н.Кузьмина*
Корректор *Т.А.Алаева*

ИБ № 15783

Сдано в набор 24.07.87
Подписано к печати 14.10.87
А-09475. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл. п.л. 4,62. Усл. кр.-отт. 4,83
Уч.-изд.л. 5,31. Тираж 1250 экз. Изд. № 6467
Зак. № 355. Цена 80 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул.Жданова, 12/1

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28